

INSPIRIA

13

11

12

9

10

ТРИНАДЦАТЬ ЭТАЖЕЙ

7

ДЖОНАТАН
СИМС

8

5

Δ

6

3

∇

4

0

1

2

INSPIRIA

Universum. Дом монстров

Джонатан Симс

Тринадцать этажей

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Симс Д.

Тринадцать этажей / Д. Симс — «Эксмо», 2020 — (Universum. Дом монстров)

ISBN 978-5-04-120282-8

Лондон скрывает много тайн. Одна из них – Баньян-Корт, построенный одиозным олигархом Тобиасом Феллом. Шикарный фасад, апартаменты премиум-класса, а на задворках теснятся квартиры для неимущих. В годовщину строительства миллиардер-отшельник внезапно приглашает на званый обед двенадцать человек. Какова его цель? Что их связывает? За драмами и грязными делишками наблюдают сами стены Баньян-Корта, чьи изменяющиеся пространства преодолеваются не только ногами, и есть направления, которые не покажет ни один компас. Двенадцать жителей оказываются преследуемыми отголосками грехов олигарха Тобиаса Фелла. Их пути и жизни переплетаются в преддверии ужасного нераскрытого убийства. Современный мейнстримный хоррор с острым социальным комментарием, который явно прослеживается в самой архитектуре проклятого здания, в каждом этаже. Жители разделены не только физически — стенами и пространствами, но и разделены экономически. Привилегии, власть, ответственность, виновность, предрассудки, дискриминация, предубеждения — все это, что разъединяет соседей, отойдет на второй план перед тем опасностью из иной сферы бытия. Только угроза бессмертной душе сможет объединить жильцов 13 этажей. «Современная классика ужасов от одного из самых захватывающих писателей в этой области». *Starburst Magazine* «Сочетает в себе криповое чувство беспокойства и кровищу... Игрет на нервах». *Guardian* «Удивительно жуткая кульминация, идеально поражающая цель в этом сверхъестественном хорроре». *Grimdark Magazine* «Роман заставил меня чувствовать себя неловко... напугал и даже ужаснул. Другими словами, это превосходная книга». *NetGalley*

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-120282-8

© Симс Д., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	7
Первая. Ночная работа	10
Второй. Стук	27
Третий. Умник	43
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Джонатан Симс

Тринадцать этажей

Jonathan Sims
Thirteen Storeys

© Jonathan Sims 2020

© С. Саксин, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Саше.

Лучшей части меня...

Пролог

НАСЛЕДИЕ ЗВЕРСКИ УБИТОГО МИЛЛИАРДЕРА: ЖИЗНЬ И РАСЧЛЕНЕНИЕ ТОБИАСА ФЕЛЛА

Дэвид Эриксон

Редактор отдела криминальной хроники

Вот уже пять лет широкая публика не перестает повторять: интереснее жизни Тобиаса Фелла была только его смерть. На протяжении большей части его бурной карьеры Фелла превозносили как титана предпринимательства; не секрет, что он до сих пор остается самой интервьюируемой фигурой газеты «Санди XXXXXXXX», если не считать политических деятелей, и тут мы определенно не одиноки, с 1992 года его фотография не меньше четырнадцати раз украшала обложку «XXXXXXX бизнес пост». После смерти Фелла это очарование только возросло, хотя в настоящее время оно приобрело совершенно другой характер. Даже тем, кто не следит за подобными вещами, трудно оставаться в стороне от бесконечного потока уголовных расследований, теорий заговоров и даже обсуждений на форумах, посвященных паранормальным явлениям. Жестокая расправа неоднократно поднималась на первые строчки списков «самых жутких нераскрытых убийств», составляемых различными интернет-ресурсами. Похоже, жив Тобиас Фелл или мертв, говорить о нем никогда не перестанут.

Однако есть и те, кто никогда не переставал копать, никогда не смирялся с обескураживающими обстоятельствами этого непостижимого дела. Но, быть может, замороженные тайной, окружающей смерть Фелла, мы забываем заглянуть в потаенные уголки его жизни?

Корни у него были такие же, как и у всех миллиардеров: ему достался небольшой капитал от отца, который он благодаря везению, способностям и, как говорят многие, беспощадности превратил в огромное состояние. Но в то же время многие отмечали, что даже по меркам безжалостных акул бизнеса молодой Тобиас отличался полным пренебрежением к этической стороне своих деловых начинаний. Среди его предприятий (в том числе освещенных в настоящей публикации) было множество известных широкой общественности технологических компаний, открытых для средств массовой информации, и прочих известных брендов. Но, приложив совсем немного усилий, можно было выяснить, что самыми прибыльными были вложения в другие источники, далеко не такие белые и пушистые: фармацевтические компании, добыча драгоценных камней, опустошительная для окружающей среды добыча нефти и производство оружия. Фелла осуждали за то, что в его компаниях распространено потогонное производство, его обвиняли в незаконном захвате земли и использовании рабского труда; многие прогрессивные деятели резко критиковали его еще тогда, когда он был жив.

Однако все эти обвинения никогда особо не трогали Тобиаса Фелла. Острый ум и чутье держаться подальше от наименее благовидных своих деловых начинаний позволяли ему сохранять свой образ чистым, а широко разрекламированные благотворительные инициативы заставляли людей не проявлять особого интереса к его налоговым махинациям (хотя многие филантропические проекты тихо угасли после того, как перестали быть в центре внимания). Фелл шел к вершине, поднимаясь в списке богатейших людей планеты, и на него равнялись будущие финансовые воротилы.

Конечно, критики было достаточно. Защитники прав человека осуждали этические принципы компаний Фелла, однако гораздо занятнее было читать его наставления по бизнесу, написанные предположительно литературными «неграми». И действительно, покопавшись в подшивках «Санди XXXXXXXX», трудно не заметить, что мы сами поспособствовали этому, старательно задвигая все негативные материалы в его адрес на последнюю полосу.

Когда Тобиас Фелл в годы, предшествующие его смерти, стал потихоньку уходить в тень, это, похоже, только укрепило его репутацию. На каждого возмущенного активиста, выступавшего против его предприятий, приходилось по десятку поклонников, замороженных новой загадкой, которую лишь изредка чуточку приоткрывали фотографии ставшего затворником миллиардера, сделанные папарацци издалека с помощью телеобъективов. Фелл постепенно отошел от руководства своими компаниями, а его хваленая филантропия окончательно выдохлась. Казалось, золотой мальчик делового мира хотел просто проводить время в одиночестве, скрываясь в номере люкс на последнем этаже Баньян-Корта, здания, построенного по его заказу.

Многие говорили, что Баньян-Корт являлся памятником всему тому, чем был Тобиас Фелл; так думали и те, кто считал его своим кумиром, и те, кто люто его ненавидел. Высокое тринадцатизэтажное жилое здание в сердце района Тауэр-Хамлетс, одного из самых бедных в центральной части Лондона. Здание вылупилось из старой кирпичной скорлупы фабрики Викторианской эпохи, ставшей затем жилым домом, и расцвело в величественное строение из стекла и бетона, символ утонченной роскоши. В своем рассказе об этом здании («Миллиардер меняет облик беднейшего квартала Лондона», номер от 3 июля 2004 года) мы рассуждали о том, как этот проект окажет благотворное влияние на весь район. Однако критики увидели только вымывание бедноты, на смену которой придут люди состоятельные, и этот прогноз в значительной степени сбылся.

Самые жаркие споры вызывала та часть Баньян-Корта, которая была отдана под «доступное жилье». Районные власти требуют от застройщиков, чтобы определенная доля жилья была доступной для людей с невысокими доходами, однако пренебрежительное отношение правительства и правоохранительных органов породило слухи о качестве строительства в некоторых частях здания. Новые обитатели «доступного жилья» жаловались на строительные недоделки, некачественные материалы и отсутствие противопожарных систем. Квартиры в задней половине оказались полностью отрезаны от сверкающих современных возможностей главного здания, и уже через год левые блогеры начали говорить о «тайных трущобах», скрытых за ослепительным фасадом Баньян-Корта. А восседал наверху всего этого в своем роскошном пентхаусе не кто иной, как сам Тобиас Фелл.

Однако какой увлекательной ни была его жизнь, большинство помнят Фелла из-за его смерти. Она явилась одним из самых громких нераскрытых убийств в истории. Подробности, раскрытые широкой публике (и многие подробности, которые не были раскрыты) с тех самых пор подвергаются доскональному препарированию со стороны средств массовой информации и сыщиков-любителей, однако все выдвигаемые версии выглядят абсолютно бредовыми. От неимоверной жестокости, с какой было совершено убийство, леденит душу, однако, несмотря на то что жуткая бойня, вне всякого сомнения, произошла в квартире Тобиаса Фелла, кровь, обнаруженная на месте преступления, ему не принадлежала. Больше того, согласно утечкам из материалов дела кровь эта так и не была идентифицирована. Единственной жертвой значился сам миллиардер, но в таком случае почему многие очевидцы утверждают, что в машины чрезвычайных служб загрузили несколько мешков для трупов?

Еще больше распаляет воображение сторонников теории заговоров вопрос свидетелей. Тобиас Фелл в момент своей смерти был не один. Вместе с ним находились еще тринадцать человек, и все они утверждали, что явились к нему на ужин, получив неожиданные приглашения. Хотя не все «гости» проживали в Баньян-Корте, каждый имел определенное отношение к зданию. Однако помимо адреса, похоже, у них не было ничего общего. Торговец произведениями авангардного искусства, местный слесарь-сантехник, шестилетняя девочка, пришедшая со своей матерью... Мало кто, а может, и вообще ни один из этих людей, мог бы оказаться на званом ужине у миллиардера. Кроме того, показания всех до единого гостей сходились по трем пунктам: до того вечера они ни разу не встречались с Тобиасом Феллом; приглашение

на ужин явилось для них полной неожиданностью; и, несмотря на заключение криминалистов, что он был убит тогда, когда гости находились у него дома, никто из них понятия не имел, когда и как был убит хозяин.

Несмотря на то что у столичной полиции имелся круг очевидных подозреваемых, арестован никто не был и не было дано официального объяснения убийства. За пять лет, прошедших с момента преступления, никто из полицейских и медиков, первыми прибывших на место или участвовавших в последующем расследовании, не сделал никаких заявлений. Еще больше интерес подпитывают предположения о заговоре странные события, произошедшие в Баньян-Корте и рядом с ним в течение недели, предшествовавшей убийству Тобиаса Фелла: смерти Эдит Кинни и Джеймса Андрэ, официально списанные на естественные причины и самоубийство соответственно, а также исчезновение известного активиста Диего Санти, которого в последний раз видели заходящим в здание. Сторонники теории заговоров не нашли убедительных объяснений ни одному из этих событий.

Сейчас, по прошествии каких-нибудь пяти лет, Баньян-Корт практически полностью опустел. После того как у нанимателей подходит к концу срок аренды, риелторы не могут найти им замену; другие жильцы и владельцы внезапно распродают свое жилье, а то и просто исчезают бесследно. Здание, еще совсем недавно внушительное, теперь умолкло, одиноким глазом взирая на полуразвалившиеся трущобы вокруг. Тринадцатизэтажный надгробный камень человеку, который по-прежнему отбрасывает такую же черную тень, как и его творение.

Убийство Тобиаса Фелла остается нераскрытым, и вряд ли мы когда-нибудь узнаем, что в действительности произошло в тот вечер и что увидели эти тринадцать злосчастных гостей.

Первая. Ночная работа

**Виолетта Энг.
Баньян-Корт, 114**

– Я так вам сочувствую! Наверное, это просто ужасно.

Конечно, мать не переставала предупреждать Виолетту о том, как опасно заговаривать с незнакомцами, но, к сожалению, никто не предупредил *их* не заговаривать с нею. Она едва сдержала резкий ответ, а старик, сочувственно склонив голову набок, поджал губы, словно разделяя ее боль.

– Мой сын тоже работал по ночам, – продолжал он, не обращая внимания на ее молчание. – Он это ненавидел! Говорил, что совершенно не высыпается. По-моему, это бесчеловечно.

Виолетта росла, погребенная под маниакальным страхом своей матери о ее безопасности, раздавленная сотней страшных рассказов, тонко завуалированных городских легенд о всякой жути, якобы случившейся с какими-то дальними знакомыми. Однако мать никогда даже не упоминала про величайшую опасность, судя по всему, преследующую одну Виолетту: сочувствующих незнакомцах. Сидящий напротив мужчина в годах подался вперед, ожидая ответа.

– Должно быть, это было ужасно, – наконец выдавила Виолетта, стараясь перевести взгляд куда-нибудь в другую сторону, однако за окнами вагона метро простирался непроницаемый мрак. Назидательные рассказы матери всегда начинались одинаково: посмотреть незнакомцу в глаза. Это был ее вариант присказки «жили-были», однако заканчивалось все трупом в кузове грузовика без номеров. Для Виолетты главная опасность встречи взглядами заключалась в том, что человек мог подумать, будто ее интересует его мнение.

– Я где-то читал, что работа в ночную смену отнимает чуть ли не десять лет жизни! – продолжал ее новый знакомый, безудержный в своей заботе о ее благополучии.

– Не у всех, – ответила Виолетта, прибегая к механическим кратким ответам, чем неизменно заканчивался разговор с родственниками, считающими себя обязанными выяснить у нее, как сильно она ненавидит работу в ночную смену. Такое случалось постоянно.

– Чем именно вы занимаетесь? – несколько не смутившись, продолжал старик.

Виолетта задумалась. Можно попробовать объяснить, как ей нравится ее работа. Можно попытаться высказать вслух это чувство сопричастности к миру, когда ты вроде ходишь рядом и даже сквозь него, не позволяя ему прикоснуться к тебе. Можно рассказать о своих «обеденных» перерывах, когда она в два часа ночи гуляет по улицам вокруг своего офиса, упиваясь тишиной, этой восхитительной безлюдностью. Описать то, как она наблюдает за машинами, медленно текущими по шоссе в сторону Рединга или Бейсингстока подобно неспешной реке огней. Можно попытаться выразить словами почти духовную связь со спящим городом. Городом, который, по утверждению ее матери, рано или поздно ее убьет.

– Я работаю в редакционно-аналитическом отделе крупного медиа-синдиката, специализирующегося на информационном взаимодействии юридических субъектов. В мои обязанности входит обеспечение лицензионного и правового соответствия норм распространения информации среди конечных пользователей.

Это заставило старика отстать.

Когда Виолетта вышла на станции «Уайтчепел», уже светало. Летняя жара начнется еще не скоро, и воздух оставался прохладным и свежим. Виолетта ощутила в своих конечностях первое онемение отрадной усталости. Веки уютно отяжелели. Она не спеша направилась к своему дому, и вскоре он появился впереди, заслоня собой рассвет.

Баньян-Корт возвышался над улицами Тауэр-Хамлетс, с отеческим сожалением взирая сверху вниз на бездомных и бедняков, которым просто не хватило здравого смысла родиться богатыми. Мысленно усмехнувшись, Виолетта быстро вошла в сверкающие стеклянные двери. Здесь не любили тех, кто слоняется без дела. Пройдя мимо небольших клочков безукоризненно ухоженной зелени, она свернула в переулок, идущий вдоль Баньян-Корта. Мимо выстроившихся рядами здоровенных мусорных баков, слишком неблагоприятных, чтобы ставить их у главного входа (и достаточно больших, чтобы в них можно было спрятать расчлененное тело, не переставала повторять ее мать), и мимо черты, отделяющей стекло от старого кирпича. Виолетта подошла к входу в жилое крыло «Б».

Крохотный закатанный в асфальт дворик подметали примерно раз в месяц по распоряжению районной управы, однако решетки на окнах первого этажа пресекали любые попытки отмыть стекла. Эти решетки, с толстыми прутьями, выкрашенными в предостерегающий ярко-желтый цвет, были добавлены в ходе первой реновации здания, и Виолетте они казались скорее предупреждением, чем откликом на какое-то реальное преступление. Точно так же таблички, извещающие о камерах видеонаблюдения, встречающиеся все чаще по мере приближения к дверям в заднюю половину, не столько предупреждали случайных прохожих о том, что жильцов оберегает наблюдение, сколько напоминали менее надежным обитателям о том, что за ними следят.

Виолетта задержалась на минуту, чтобы вдохнуть все это, усевшись на поднятой над землей бетонной плите, на которой собирались иногда покурить и поболтать подростки. Положив ладонь на холодную грубую поверхность, она закрыла глаза. Родные так и не поняли ее решение перебраться в город. Младшая в семье из двух братьев и четырех сестер, Виолетта выросла в теплом доме у самой границы Шотландии, где всегда царила безукоризненная чистота, и ее выбор жизненного пути ставил близких в тупик. Остальные обосновались недалеко от родительского дома, под чистым небом, завели детей и собак. Напротив, существование Виолетты было унылым и стесненным: она жила в крошечной убогой квартире, откуда в толчее общественного транспорта добиралась до никому не нужной неподвижной работы в лишенной солнечного света конторе. Родные не понимали, что как раз в этом весь смысл. Виолетта втайне любила свою выматывающую городскую жизнь, наполненную изнурительным трудом и постоянной борьбой с бедностью. В свое время родители отмахнулись от этого, окрестив всё «юношеским упрямством», но сейчас Виолетте был уже тридцать один год, а ей по-прежнему нравилась эта жизнь. Это так глубоко укоренилось у нее в душе, что никакая «суровая действительность», как говорила ее мать, не могла это выкорчевать.

Взглянув на ржавое баскетбольное кольцо на ближайшей стене, прямо над полустертой табличкой, когда-то предупреждавшей «Игры с мячом запрещены», Виолетта улыбнулась, вспомнив одну из классических «действительностей» матери – жуткую историю молодого парня, приехавшего в Лондон, который привлек к себе внимание уличной банды. Разумеется, бандиты его убили, а после чего зажигательно играли его головой в баскетбол. По ее словам, мать несчастного прочитала об этом в газете, вот только она не помнила, в какой именно, и ее вывел из себя мягкий вопрос Виолетты, поинтересовавшейся, как можно делать обводку¹ человеческой головой, считающейся одним из самых твердых предметов в спортивной экипировке.

Отвернувшись от баскетбольного кольца, Виолетта достала ключ, однако вход в жилое крыло «Б» оказался не заперт и ключ ей не понадобился. Продолжая улыбаться, она вошла в прохладу темного коридора, не обращая внимания на изуродованные почтовые ящики. Хотя жуткие пророчества матери насчет ограблений, убийств и похищений так и не сбылись (еще одно, чем Виолетта ее разочаровала), она оказалась права в том, насколько жесток и омерзитель-

¹ Обводка (дриблинг) – ведение мяча, баскетбольный термин (прим. ред.).

лен Лондон. А если человек не способен находить тихую радость в этой мерзости, потрясение может оказаться для него чересчур сильным.

Лифт в кои-то веки работал. Виолетта тяжело прислонилась к заляпанному зеркалу, наслаждаясь неспешным путешествием к своей квартире и не обращая внимания на нудный внутренний голос, отчитывающий ее за то, что она не поднялась пешком по лестнице. Квартира состояла из двух тесных темных комнат в глубине восьмого этажа с длинным списком проблем, вызывавших к ее упрямой гордости. Виолетта ее любила. В квартире они жили вдвоем с Мари, последние из университетских друзей, все еще снимающие жилье в центре Лондона. Впервые увидев объявление, вот уже как несколько лет назад, Виолетта сперва предположила, что низкая арендная плата указана по ошибке. На фотографиях был показан роскошный фасад из стекла и бетона, и лишь пара откровенно подправленных снимков позволяла увидеть внутреннее убранство. Но когда подруги своими глазами увидели «жилой корпус «Б», реальность предстала перед ними во всей красе. Пожалуй, Виолетта максимально приблизилась к рассказам своей матери, когда риелтор с бегаящими глазками провела их в обшарпанную голую квартиру. Но двери за подругами не захлопнулись, потайных застенок в квартире не оказалось, а у Мари положение с жильем дошло до такого состояния, что она не могла себе позволить быть привередливой. И так, подруги вынуждены были снять эту квартиру. Виолетта ни за что бы не призналась Мари, как она была рада тому, что это решение им навязали, но временами ей казалось, что подруга догадывается о действительном положении дел.

Бесшумно отворив дверь, Виолетта застыла на пороге, ожидая услышать характерные звуки, свидетельствующие о том, что Мари уже встала. Ничего. Мысленно кивнув себе, Виолетта прошла в свою комнату. Усталость медленно расплзалась по всему телу. Задержав светонепроницаемые шторы, Виолетта стала готовиться ко сну. Она любила эту квартиру. Любила той твердой, гордой частицей себя, которая отвергала изнеженный уют повседневной жизни, тем фрагментом своей души, который, выслушивая жалобы знакомых на жизнь в большом городе, втайне находила их слабыми. Виолетта всегда считала, что в жизни ничто достойное не должно даваться легко, в том числе и сама жизнь.

* * *

- Сегодня он снова был здесь.
- Кто? – спросила Виолетта, не отрываясь от экрана компьютера.
- Тот тип, который шатался по соседству. – Голос Мари прозвучал заговорщически тихо, как бывало всегда, когда она сплетничала.
- Я полагала, он там живет.
- Нет, – покачала головой Мари. – Старухе, которая там живет, должно быть, лет под восемьдесят. А этот тип молодой.
- Может, это внук, навещающий свою бабушку, ты не подумала?
- Ну да, но только на прошлой неделе он приходил туда раза три. А ее я совсем не видела.
- Ну, во-первых, ей скорее пятьдесят, а во-вторых, я уверена, что она съехала. В прошлом месяце я видела гору коробок.
- Вот только я никаких коробок не видела. И уж точно я не видела, чтобы этот тип сюда переезжал.
- Отложив компьютер, Виолетта предложила подруге кофе. Та снова покачала головой, указывая на свою пижаму.
- Значит, ты полагаешь, он ее убил, – улыбнулась Виолетта.
- Нет, это совсем не...
- Знаешь, что это мне напоминает?
- Даже не начинай.

– Так. – Лицо Виолетты растянулось в улыбке. – Это ты предположила, что наш новый сосед убил безобидную старую даму и теперь живет в квартире вместе с ее трупом, следит за тобой, а приторное зловоние гниения никак не выветрится из его одежды.

Язвительное замечание подружки не произвело на Мари никакого действия.

– Просто он торчит перед дверью. Мне это не нравится.

– А почему бы тебе просто не постучать в дверь? Спросить у этого типа, правда ли он убил старушку?

– Я даже не знаю, как его зовут! – Деланое негодование Мари не до конца скрыло ее истинный страх перед тем, чтобы заговорить с соседом.

– Ну, по-моему, следующий вопрос будет естественным, ты не находишь? – сказала Виолетта, не отрывая взгляда от дешевого чайника, неторопливо уговаривающего себя закипеть.

– Мне это просто не нравится, – повторила Мари. – После каждого его прихода в коридоре воняет табачищем.

– Так, значит, вот в чем дело, правильно?

– Ты о чем?

– Если старуха никуда не переехала, а этот тип живет со своей бабкой, или кем там она ему приходится, и ей не нравится, когда он курит в квартире... – Запах растворимого кофе ударил Виолетте в нос, и она радостно вздохнула, глядя в окно на зажигающиеся внизу огни.

– Значит, он курит в коридоре? А что, разве за это не полагается штраф? И как же датчики пожарной сигнализации?

– А что?

– Как что, ты думаешь, они не работают?

– Работают они примерно так же, как и все остальное здесь.

Виолетта пригубила кофе. Все еще слишком горячий. Какое-то время подружки молчали.

– Мы погибнем при пожаре, да? – наконец спросила Мари, и обреченность в ее голосе была притворной лишь наполовину.

– С какой стати «мы»? Лично я отправляюсь на работу.

Мари бросила на подружку испепеляющий взгляд, но та ничего не заметила.

* * *

Входная дверь захлопнулась за Виолеттой с тяжелым металлическим лязгом. Мари настояла на том, чтобы заменить хлипкий замок на что-нибудь более основательное, и Виолетта не могла отрицать, что в этом звуке было что-то обнадеживающее. Дверь отделяла квартиру от безликого утилитарного коридора. Справа находилось еще несколько квартир, а дальше боковой коридор, ведущий к лестнице. Слева, опять же, несколько квартир, окно, выходящее на лоскутное одеяло городских кварталов, и лифт.

Вообще-то в крыле «Б» было два лифта. Один, которым изредка пользовалась Виолетта, представлял собой тесную провонявшую кабину, которая не работала чаще, чем работала. Она ходила от первого этажа до одиннадцатого, пропуская шестой, поскольку кнопка давным-давно отвалилась, и с тех пор ее так и не установили, хотя лифт неоднократно ремонтировался. Виолетта привыкла пользоваться лестницей, которую Мари с неохотой называла «кардиотренажером», на что Виолетта лишь мило улыбалась и напоминала, что несчастному миллиардеру с последнего этажа приходится гораздо хуже.

Однако внимание Виолетты привлекал второй лифт. Если пройти по убогому внутреннему двору, мимо рядов железных почтовых ящиков и пустых перил для велосипедов, по петляющему коридору, достаточно длинному, чтобы у посетителя возникли опасения, что он заблудился, можно попасть на винтовую лестницу, извивающуюся в дальнем конце Баньян-Корта. Это была старая лестница, сохранившаяся от первоначального здания, со стертыми сту-

пенями. Ступени вымостили новой плиткой, но менять не стали. А посреди лестницы древний грузовой лифт в железной шахте. Виолетта не представляла себе, сколько ему лет (возможно, начало прошлого века?) и почему его оставили, когда здание подвергалось капитальной модернизации. Лифт поднимался до самого последнего этажа. Точнее, должен был бы подниматься, если бы находился в рабочем состоянии, что Виолетта находила маловероятным, учитывая натянутую поперек входа желтую ленту, предостерегающие таблички и массивный навесной замок размером с ее кулак. Мари клятвенно уверяла, что видела раза два, как кабина двигалась, но веры клятвенным заверениям Мари было мало, и, на взгляд Виолетты, это был лишь высокий железный хребет, древний рудимент, постепенно превращающийся в ржавую труху. Одна из потайных костей города, рядом с которой ей посчастливилось жить.

Виолетта взглянула в конец коридора, в сторону 116-й квартиры. Никаких таинственных курящих незнакомцев, зловеще застывших на пути к лифту в ожидании того, чтобы посмотреть ей в лицо перед тем, как ее убить. Проходя мимо двери, Виолетта на мгновение задержалась, напрягая слух в попытке услышать доносящиеся из квартиры звуки, однако все было тихо. Поморщившись, она вошла в кабину лифта и поехала вниз.

* * *

Работа шла медленно. Виолетта ухитрилась забыть наушники дома рядом с кроватью, и ей пришлось полностью сосредоточить свое внимание на том, что, по большому счету, сводилось к копированию фрагментов текста и вставке их в другие места. Восемь часов подобного нудного однообразия ввергли ее в коматозное состояние. Она успела забыть, как же тихо в конторе. Наверное, всего здесь было человек сорок, таких же равнодушных и скучающих, как и она, но тишина ночной смены практически не нарушалась – Виолетта обеими руками подерживала это неписаное правило, по крайней мере, когда могла слушать музыку или радио. Однако сегодня обстановка казалась более гнетущей, чем обычно, и временами она ощущала чуть ли не физическую тяжесть, придавившую ее. Она постоянно ловила себя на том, что задерживает дыхание.

Мать предостерегала ее не только об опасностях ночных улиц. По ее словам, работа в ночную смену занимала первую строчку в списке того, чего она боялась больше всего. Среди возможных исходов этой ветви повествований чаще всего упоминались самоубийство и выгорание на работе, причем в одной примечательной истории рассказывалось о человеке, который «сошел с ума от тишины», что бы это ни означало, и сжег офисное здание со всеми своими коллегами. Одной этой мысли было достаточно, чтобы Виолетта продержалась первые несколько часов, поскольку для нее не было более сильного стимула работать, чем стремление доказать неправоту своей матери.

Виолетта проводила взглядом, как курильщики дружно встали и вышли на третий перекур за три часа, и постаралась заглушить безмолвную ярость, которую всегда испытывала при их виде. Она терпеть не могла безделье. Конечно, она понимала, что ее работа по большей части бессмысленная, «имитация бурной деятельности», призванная обеспечить прохождение денежных потоков между горсткой погибающих компаний, но это не имело значения. Это работа. И эти бездельники не имеют права отлынивать от нее, болтая о пустяках в облаках табачного дыма. Виолетте не нравилась эта ее сторона. Она сознавала, что ее личные мерки невероятно высоки и ей нельзя осуждать окружающих за то, что те им не соответствуют, однако порой не могла ничего с собой поделать. Она не могла себе представить, что нашла бы себя в жизни как домохозяйка, безмятежная и довольная спокойным домашним уютом, панически боящаяся мира, раскинувшегося за четырьмя стенами ее дома. Работа означала свободу, предоставляла возможность самой определять свою жизнь, и слишком часто Виолетта ловила себя на том, что испытывает ненависть к тем, кто этого не ценил.

Когда на часах была половина второго, Виолетта чуть ли не подскочила и вполголоса сообщила начальнику смены, обстоятельному непримечательному мужчине по имени Боб, что у нее перерыв. Ей потребовалось меньше шести минут на то, чтобы расправиться с принесенным из дома горшочком с салатом, после чего Виолетта выскочила на улицу в пыльный ночной воздух. Она шла быстро, словно стараясь ускорить отдых, и пыталась разобраться в том, что же ее так завело. На работе ничего особенного не произошло (Боб говорил о грядущих сокращениях, но он вечно распространялся на этот счет), дома все было замечательно (Мари завела разговор о том, что в следующем году, возможно, съедет, однако до этого было еще далеко), и с деньгами также не было никаких проблем (в агентстве недвижимости предупредили, что арендная плата скоро возрастет, но с этим Виолетта должна была справиться, пусть и впритык). Так почему же ее не покидало ощущение, будто все до одного нервы ее организма натянуты до предела? Казалось, она в любой момент перейдет на бег.

Виолетта была так поглощена попытками разобраться в собственном настроении, что заметила их впереди только тогда, когда дошла до середины Огюстин-роуд. Три фигуры, в самом конце улицы, скрытые капюшонами, бейсболками и мешковатыми куртками, деталей не рассмотреть. Возможно, они разговаривали между собой, однако со своего места Виолетта не могла определить это точно. Казалось, что фигуры просто стоят, совершенно неподвижные, освещенные фонарем.

Вот как раз людей Виолетта и старалась избегать во время своих ночных прогулок: их назойливое присутствие неизменно разбивало ее молчаливое единение с городом. Инстинктивно она собралась развернуться, возвратиться обратно и найти другую, более пустынную дорогу. Но тут один из парней поднял голову, и Виолетта встретила взглядом с глазами, сверкнувшими под ярко-синей бейсболкой. Он был молодой, задиристый, и даже на таком расстоянии Виолетта почувствовала, как он ее оценивает. Парень вообразил, будто она его испугалась. У нее в груди всколыхнулась гордость. Это ее город, ее время, и она не подчинится чужим страхам, навязанным ей матерью. И что с того, что она посмотрела ему прямо в лицо? Если парням нравится шататься ночью по центру, это их дело. В этом нет ничего зловещего, ничего очевидного, по крайней мере, и уж точно не ей осуждать их за то, что они в такое позднее время не дома. Итак, Виолетта двинулась дальше по Огюстин-роуд, стуча каблуками гораздо громче, чем ей помнилось. На задворках сознания появилось настоятельное требование перейти на противоположную сторону, держаться подальше, однако она пересилила его, решительно настроенная не позволить страху одержать верх. Парень обменялся несколькими словами со своими приятелями, наблюдая за тем, как Виолетта приближается к ним со всей решимостью, какую ей удалось собрать.

Она была уже в нескольких шагах от них и чувствовала запах дезодоранта, пытающегося прикрыть запах прокуренных волос и нестираных джинсов. Виолетта не обращала на него внимания: еще несколько шагов – и она пройдет мимо, окажется в конце улицы, завернет за угол и снова сможет нормально дышать. Но в тот момент, когда ее глаза на кратчайшее мгновение опять установили контакт с глазами парня, она увидела, как в них что-то внезапно изменилось. Парень метнулся к ней, и все ее тело содрогнулось в спазме ужаса.

– Бу!

Виолетте потребовалось какое-то время, чтобы осознать смысл этого восклицания. Парень уже повернулся к своим приятелям, все трое рассмеялись, после чего быстро вернулись к прерванному разговору.

Виолетта с трудом удержалась на ногах. Все ее нервные окончания горели, ноги неудержимо тряслись от нахлынувшего адреналина. Ей захотелось что-то сказать, крикнуть, наброситься на парней с кулаками, но те, похоже, уже забыли о ней, поэтому она просто двинулась дальше. Дойдя до конца Огюстин-роуд, она повернула направо и направилась обратно в офис.

Потребовалось несколько часов на то, чтобы дрожь прошла; работа, которой должна была заниматься Виолетта, застыла забытая на экране компьютера. Она так разозлилась, что не могла соображать, причем злилась она не на того козла, который ее напугал, а на себя саму за то, что так отреагировала на его дурацкую выходку. На самом деле это была безобидная шутка. Она отреагировала на нее чересчур сильно. Однако эти рассуждения нисколько не смягчали то, что она чувствовала.

В то утро Виолетта покидала офис бесконечно уставшей, полностью истощенной, и дорога домой в Баньян-Корт прошла как в тумане. Она чувствовала себя оторванной от окружающего пространства и, делая очередной шаг, удивлялась тому, что ее нога опускалась на твердую землю. У нее не отложилось в памяти, как она ехала в метро, на улицу она вышла, словно призрак, доплыла до здания и поднялась по лестнице, не понимая, что делает. Задержавшись на мгновение, чтобы достать ключи, Виолетта смутно почувствовала слабый запах табачного дыма. Она рассеянно бросила взгляд на соседнюю дверь, но та была закрыта. Коридор, как обычно, был пуст.

Есть Виолетте совершенно не хотелось, а Мари все еще спала, поэтому она бесшумно прошла в темноте к себе в комнату и забралась в кровать, в самый последний момент спохватившись и скинув туфли. Сон оглушил ее ударом кулака, и весь день ей снились три фигуры, перешептывающиеся в свете фонаря. Однако как бы близко она к ним ни подходила, их приглушенные голоса оставались неразборчивыми.

* * *

Виолетта медленно, с трудом раскрыла глаза. Сколько прошло времени? Она взглянула на часы. Восемь часов утра. Она не проспала и часа, и голова у нее гудела. Нет, это дверь. Кто-то стучал в дверь и...

– Виолетта!

Голос Мари. Медленно оторвавшись от постели, Виолетта приоткрыла дверь. Свет в коридоре обжег ей глаза, и она несколько раз моргнула, прежде чем неясные блики оформились в фигуру ее подруги, все еще в пижаме.

– Ты не опоздаешь?

Мари покачала головой.

– Хочу попросить тебя об одном одолжении.

– В чем дело? – У Виолетты екнуло в груди.

– Понимаешь, я должна сегодня быть в одном месте, но, похоже, разорваться я не могу.

– Я полагала, тебе нужно идти на работу.

– Ну да, нужно, но я же сказала, что должна быть в одном месте. Поэтому мне нужно позвонить на работу и сказать, что я заболела.

Виолетта постаралась загасить огонек ярости, вспыхнувший при звуках приторного голоса Мари. Определенно, подруга поступала так далеко не в первый раз, ее подход к работе мало отличался от ее подхода к учебе в университете, однако в настоящий момент Виолетте пришлось прикусить язык. Неужели Мари вытащила ее из постели только для того, чтобы повесить ей на уши свою лень?

– Скажи, что у тебя голова болит. Обыкновенно это срабатывает. – Виолетте потребовалось все ее самообладание, чтобы сохранить свой голос ровным. Ей просто нужно лечь спать. Вечером ей идти на работу.

– Ну да, на один день этого хватит, но мне, может быть, потребуется чуть больше времени, понимаешь? Вот я и решила, что я буду «слишком сильно больна», чтобы звонить самой – ну, знаешь, высокая температура и все такое, и мне пришлось попросить тебя... Я хочу ска-

зять, мне, возможно, придется отпроситься до конца недели. Послушай, я знаю, как это тебя раздражает, но я буду перед тобой в неоплатном долгу.

Какое-то очень длинное мгновение Виолетте неудержимо хотелось взять у Мари телефон. Позвонить ей на работу и сказать, чем именно занимается ее подруга. Дать Мари прочувствовать в полной мере последствия своих бессмысленных прогулов. Но вместо этого она просто закрыла дверь. Ей потребовалась вся ее выдержка, но она не хлопнула дверью и не высказала вслух мысли, непрошено нахлынувшие в ее сознание.

Мари поняла, что лучше не настаивать, и сон быстро одолел Виолетту.

* * *

Когда она проснулась в следующий раз, в квартире уже никого не было. Судя по всему, Мари уже отправилась заниматься тем делом, которое считала важнее работы, однако Виолетта все равно осторожно постучала в ее дверь. Она не собиралась просить прощения за свой поступок, поскольку считала себя абсолютно правой, но, учитывая ситуацию с жильем, она боялась испортить отношения с подругой. А сегодня крошечная квартира, где Виолетта проснулась в полной тишине, показалась ей бесконечно одиноким и пустынным местом. Однако ответа не последовало, поэтому Виолетта прошла на кухню. Взрепевший в тишине чайник полоснул ее по нервам, а насыпая в чашку растворимый кофе, она заметила, что ее правая рука, держащая ложку, слегка дрожит.

С ней все в порядке. Нет никаких причин думать иначе, посему с ней все в порядке. Именно в такие моменты Виолетта обрадовалась бы, услышав обнадеживающий шорох обитающего в стенах убийцы. По крайней мере, у нее появилось бы хоть какое-нибудь общество. Но ей так и не удалось заставить себя посмеяться над собственной шуткой. Выпив кофе, Виолетта заверила себя в том, что ей стало лучше.

Когда лифт наконец приехал, в кабине уже были люди. Виолетта так долго простояла в прокуренном коридоре, что готова была опять признать его сломавшимся, но когда она уже направилась к лестнице, двери медленно раздвинулись. В кабине стояли двое, прильнув друг к другу и отвернувшись в дальний угол, словно погруженные в интимный разговор, хотя слов Виолетта не разобрала. Она постаралась разглядеть их лица, узнать, встречала ли она этих людей здесь раньше, но у одного из парней на голове был капюшон, а другой стоял к ней спиной. Одежда на них была безликая, джинса и хаки, и на Виолетту они не обращали никакого внимания.

Почему-то мысль о том, что она зайдет в эту кабину и будет медленно спускаться восемь этажей вместе с этой парочкой, наполнила ее ужасом. Неужели это все из-за того вчерашнего козла? Неужели из-за одного-единственного «бу» она будет так себя чувствовать до конца жизни? Нет, тут дело в чем-то другом. Иначе быть не может.

Быть может, она испугалась, что лифт сломается, они застрянут в кабине на четыре дня, и в конце концов эта парочка вынуждена будет ее съесть. Но сейчас воспоминания о страшилках матери не вызвали улыбки, как это бывало всегда. В конце концов Виолетта решилась воспользоваться проклятым лифтом, однако к этому моменту двери уже начали закрываться. Ей пришлось спускаться по лестнице.

* * *

Работа тянулась медленно, как это бывало так часто. Виолетта чувствовала себя уставшей, и кофе из автомата несколько не помогал. Она перебирала по циклу непонятное, синтетическое меню, стараясь найти то, что позволит ей наконец вырваться из тумана. Растворимый кофе, «свежесваренный» кофе, капучино – все это имело один и тот же химический вкус, к

которому за долгие годы приспособился ее язык, но ни один из этих напитков не мог развеять тревогу. Виолетта поймала себя на том, что измеряет рабочий день по перекурам курильщиков, по подъему и угасанию раздражения, таким же регулярным, как ход часов. Когда она наконец отправилась на прогулку и проходила мимо них, сгрудившихся в кучку на холоде у входной двери, она непроизвольно пробормотала что-то насчет лени, но курильщики стояли к ней спиной и, похоже, ничего не расслышали.

Избегая Огюстин-роуд, Виолетта два-три раза сворачивала, чтобы не пересечься с другим запоздалым прохожим. Она ругала себя за это последними словами, но успокаивала себя тем, что лучше спокойно прогуляться, чем доказывать себе что-то. Но даже так расслабление сегодня ночью ускользало от нее, и дело кончилось тем, что она провела на улице на десять минут дольше, чем ей полагалось на перерыв. Похоже, никто этого не заметил, однако ей самой стало стыдно.

Когда Виолетта вернулась домой, Мари угрюмо собиралась уходить на работу.

– Вчера я сослалась на головную боль, так что сегодня приходится идти.

– Извини, – сказала Виолетта. На самом деле она не чувствовала ни капли раскаяния.

– Да, и еще звонила твоя мать, что-то насчет шестидесятилетия твоего дяди.

– Спасибо. Я ей перезвоню, – сказала Виолетта. Звонить домой она не собиралась.

В холодной, опрятной темноте своей комнаты Виолетта легла на кровать, пытаясь разобраться в том, что же случилось. Все было в полном порядке. Так почему же у нее ныли челюсти от того, что она с силой стискивала зубы? Почему она так устала? Забравшись под одеяло, Виолетта отдалась сну.

* * *

Следующая ночь выдалась странной. Виолетта проснулась. Наверное, проснулась. Однако оставалась какая-то обособленность, словно ее оторвали от окружающего мира. Все было размытым, приглушенным, а когда она пыталась на чем-либо сосредоточиться, у нее сразу же начинала болеть голова. У Мари, судя по всему, выдался тяжелый день, и она не склонна была болтать за ужином, предоставив Виолетте завтракать в одиночестве: тосты никак не желали жариться, кофе остыл, не успела она налить его в кружку. И все же Виолетта выпила его, отчаянно пытаясь проснуться еще хоть на капельку. Вышла из дома она на полчаса позже обычного, однако если бы у нее спросили, на что она потратила лишнее время, она не смогла бы объяснить.

Шагнув в облако табачного дыма, Виолетта остановилась и закашляла, столкнувшись с незнакомым ощущением, ввергнутая вновь в действительность этим мгновением физического дискомфорта. Виолетта огляделась по сторонам, и, разумеется, перед дверью 116-й квартиры стоял молодой парень в поношенном сером костюме. Сорочка когда-то была белой, однако время придало ей тот же самый тусклый цвет, каким обладал пиджак, и она, расстегнутая, открывала темную от загара грудь. Выющиеся черные волосы обладали как раз той длиной, чтобы быть взъерошенными. Похоже, парень не заметил вышедшую из квартиры Виолетту и ее реакцию на сизый дым от его сигареты, клубящийся вокруг облупившейся таблички «Не курить». Все его внимание было сосредоточено на окне в конце коридора, за лифтом, из которого открывался вид на укутанный покрывалом ночи город внизу.

Лампа дневного света над окном перегорела еще несколько недель назад, отчего эта часть коридора оставалась в темноте, однако Виолетта, проследив за взглядом незнакомца, различила там смутный силуэт. Она прищурилась. Там кто-то стоял, и было неясно, то ли он отвернулся и уставился в окно, то ли смотрит в глубь коридора.

Виолетте хотелось не обращать внимания на этих людей, просто пройти к лифту и отправиться на работу (ей нужно было идти на работу). Нервы ее все еще звенели после той встречи

два дня назад. Однако было что-то в фигуре у окна, что Виолетта почувствовала: этот человек смотрит на нее. Не на парня с сигаретой, а на нее. Она посчитала своим долгом окликнуть неизвестного, поздороваться с ним, заверить его в том, что она идет на работу – правда идет на работу, но тут кто-то крепко схватил ее за руку. Порывисто обернувшись, Виолетта увидела своего странного соседа, настойчиво качающего головой.

– Вы его видите? – спросил он, и в его голосе прозвучала тревога, смешанная с сильным акцентом, определить который Виолетта не смогла.

Она молча кивнула, лихорадочно соображая, какой же из рассказов матери сбывается сейчас?

Парень не скрывал своего облегчения. Его пальцы расслабились, и Виолетта, высвободив руку, непроизвольно отступила назад. Его лицо на мгновение смягчилось, и он, запинаясь, извинился. словно почувствовав следующий вопрос, парень указал на дверь за собой и, предположила Виолетта, на живущую за ней старуху.

– Старая знакомая, – сказал он, словно ожидая, что это ответит на все ее вопросы, однако в голове у нее снова все поплыло, а в висках застучала кровь, заглушая удушливую тишину коридора.

Виолетта собралась уже уходить, не желая задавать незнакомцу никаких вопросов, но тут ее взгляд непроизвольно метнулся к окну, и она застыла. Теперь там стояли уже двое. Второй был таким же неясным силуэтом, как и первый, и стоял так же неподвижно. Они склонили друг к другу головы, словно поглощенные приглушенным разговором, и Виолетте показалось, что если она напряжет слух, то услышит их едва различимый шепот...

Сосед тоже обернулся, и ему потребовалось какое-то мгновение, чтобы разглядеть вторую фигуру. И тотчас же его лицо исказили подозрительность и тревога. Он медленно повернулся к Виолетте, и у него по лицу скатилась крупная градина пота.

– Я... э... – Парень запнулся, подбирая слова. – Берегите себя.

Повернув направо, Виолетта торопливо побежала вниз по лестнице. Спустившись на два этажа, она все еще слышала перешептывающиеся фигуры.

* * *

В ту ночь Виолетта опоздала на работу. Она изо всех сил старалась взять себя в руки, сесть за компьютер и сосредоточиться на насущных задачах, однако смысл слов оставался где-то очень далеко, а тишина кабинета вселяла тревогу, не давая собраться с мыслями. Пальцы ее заныли еще до того, как она поднесла их к клавиатуре, а центральное отопление, казалось, готово было ее испепелить. Каждые несколько минут Виолетта ловила себя на том, что внимательно прислушивается, словно стараясь разобрать какой-то негромкий разговор, а приготовленный только что кофе неизменно оказывался холодным. Она пила его непрерывно, стремясь побороть нарастающую усталость, со страхом думая о том, что если закроет глаза, то немедленно заснет. Сколько чашек кофе выпил в рассказе матери тот перегруженный клерк, у которого случился инфаркт? Или это был тот же самый, который в конце концов спалил все здание? Рассказы начинали перемешиваться между собой.

Виолетта с ужасом думала о том, что ее усталость скоро станет всем заметна, что окружающие поймут, что она ничего не делает. Поймут абсолютно все. Каждый щелчок клавиши был подобен удару пальцем по черепу.

И, тем не менее, несмотря ни на что, Виолетта попробовала прогуляться. Боб, обернувшись, спросил, собирается ли она на перерыв, и это было подобно перерезанной веревке. Виолетта буквально вскочила с места. Походка ее была нетвердой, безмолвные улицы не приносили успокоения, но при мысли задержаться в офисе еще на секунду ее едва не хватил обморок.

По крайней мере ночной воздух не изменился. Он по-прежнему бодрил, напоминая о том, что мир еще жив, и все же Виолетта прогуливалась не так далеко, как обычно, и не так быстро.

Огюстин-роуд была пустыня. Никаких фигур, стоящих в противоположном конце, никаких шепчущихся незнакомцев, ждущих ее приближения. Там не было ничего. Но почему же ей так не хотелось идти дальше? Почему у нее уже возникло желание возвращаться на работу? Виолетта двинулась вперед, стараясь не обращать на это внимания, прогоняя прочь страшные мысли, однако вскоре после этого она завершила прогулку. И в эту ночь она не смогла найти на улицах города покоя.

Подходя к работе, Виолетта увидела у входных дверей небольшую толпу. Шестеро курильщиков сгрудились кучкой и о чем-то говорили вполголоса. Виолетта знала, что они посылают друг другу сообщения по электронной почте, согласовывая свои перекуры, и вот теперь они маячили у входа, перешептываясь между собой, словно поджидая ее. Увиливая от работы. Курильщики даже не обернулись, когда Виолетта проходила мимо, и ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы не рывкнуть на них, обвинив в безделье. Она протерла слипающиеся глаза пальцами, испачканными кофе и грязью, и заставила себя пройти в контору.

* * *

Домой в Баньян-Корт Виолетта возвращалась настолько придавленная усталостью, что даже не заметила включенные мигалки стоящей перед входом кареты «Скорой помощи». И только когда круглолицая женщина в полицейской форме мягко положила руку ей на плечо, не давая ей бездумно, вслепую шагнуть за бело-синюю ленту, Виолетта поняла, что случилось что-то неладное. Место было огорожено барьерами, но на краю тротуара можно было разглядеть что-то темное. Возможно, это была кровь. Конечно, это могло быть все что угодно, однако сознание Виолетты отказывалось принимать другие объяснения, неумолимо возвращаясь к крови.

– Я здесь живу, – сказала она, сознавая, что у нее в голове не зарегистрировался смысл слов женщины-полицейской.

– Разумеется. Сюда, пожалуйста.

Ответ прозвучал вежливо и четко, и женщина повела Виолетту к залитому светом главному входу.

– Нет, за углом.

Женщина-полицейский недоуменно застыла, и Виолетте пришлось слабым жестом указать на переулок, ведущий к ее дому.

– Хорошо. Подождите здесь.

Полицейская ушла, судя по всему, чтобы посоветоваться с начальством, и Виолетта готова была поклясться, что она пробурчала себе под нос: «Возвращалась бы ты на свою работу!»

В ожидании Виолетта стояла, глядя на то, как санитары загружают в фургон длинный черный пластиковый мешок. Один из них задел барьер, сдвинув его в сторону, и на какое-то мгновение Виолетта отчетливо увидела на сырой земле ярко-синюю бейсболку. Ее нисколько не удивило, не потрясло то, что этот парень лежал теперь мертвый в противоположном конце Лондона, в пяти милях от места их предыдущей встречи. Впрочем, возможно, она просто слишком устала.

Виолетта рассеянно подумала, какая именно городская легенда в конце концов доконала его. Быть может, все дело было в ней? Быть может, именно в этом и заключался главный поворот сюжета: чудовищем оказалась она. Вернувшись женщина-полицейский повела Виолетту вдоль здания к дальнему входу, и та почувствовала, как ее губы сложились в одном-единственном слог:

– Бу.

* * *

Четыре фигуры стояли на лестнице, чуть выше площадки первого этажа, там, где ступени оббивались вокруг старой железной шахты лифта. В толстых куртках поверх блеклой, непримечательной одежды, они стояли, повернувшись друг к другу так, что лиц их не было видно. Виолетта услышала их шепот еще до того, как дверь жилого корпуса «Б» захлопнулась за ней, отрезав ее от огней мигалок, казалось, преследовавших ее даже позади здания. Времени было шесть часов утра, что делали здесь эти люди?

Виолетта почти целую минуту ждала лифт. Кабина никак не приезжала. Она снова нажала на кнопку, потирая кончики пальцев. Они показались ей огрубевшими, и какое-то мгновение она готова была поклясться, что пальцы стали другими, покрылись мозолями и затянувшимися шрамами. Виолетта подняла взгляд на высветившиеся цифры – они не менялись. Чувствуя себя совершенно незащищенной, она в конце концов направилась к лестнице, переполненная чувством безысходности, которое приходит с полным физическим истощением. Поднимаясь вверх, Виолетта слышала, как неизвестные перешептываются, но когда она подошла ближе, они затихли. Неизвестные просто стояли молча, они не обернулись, и Виолетте по-прежнему не были видны их лица. Где-то вдалеке завывала сирена.

Виолетта продолжала подниматься вверх, притихшая группа терпеливо застыла на месте. Ноги у нее подгибались, они двигались чисто механически, но Виолетта не останавливалась.

Оглядываясь назад, Виолетта пришла к выводу, что четыре стоящих человека могли полностью перегородить лестницу. Однако она не помнила, что проходила мимо них. Виолетта поднималась вверх, вот неизвестные просто оказались позади, и прежде чем смогла задуматься над этим, она уже поднялась на следующий этаж. Виолетта обернулась, но неизвестные не шелохнулись. Ее рассудок непроизвольно потянулся к рассказам матери, стремясь найти чувству беспокойства знакомый контекст, но у нее ничего не получилось. Виолетта продолжала подниматься по лестнице, а шепот плыл в воздухе вслед за ней.

* * *

– Что сказал Боб?

Было уже девять часов, Мари опаздывала на работу, но, похоже, она не собиралась уходить до тех пор, пока Виолетта не выложит ей все подробности.

– Да ты не беспокойся.

– Послушай, раз ты звонишь с моего телефона, я должна знать, в чем дело, – настаивала Мари, стараясь изо всех сил скрыть беспокойство. Виолетта не отвечала. – Свой ты до сих пор не нашла?

– Нет. Ничего страшного, мне он не нужен.

– Какого черта ты хочешь сказать? Определенно, тебе нужен телефон. Ты только что позвонила на работу и сказала, что заболела.

– Я могла бы и не звонить. Я могу пойти на работу. Я должна пойти на работу.

– Я серьезно. Ты только посмотри на себя! – твердо произнесла Мари. – Когда ты в последний раз хорошенько выспалась? Я хочу сказать, ты выглядела неважно еще до того, как твой знакомый умер рядом с нашим домом.

Виолетта ответила не сразу.

– Я его не знала. Совсем не знала. Просто он...

– Какое это имеет значение! – взорвалась Мари. – Тебя это определенно здорово потрясло. Тебе нужно отдохнуть.

– Ладно, я поняла, что ты хотела сказать.

– И?.. – сказала Мари, указывая на телефон, по-прежнему зажатый у Виолетты в руке.

– ...Боб разрешил мне отдохнуть до конца недели. Итого получается три дня. Точнее, три ночи.

– Отлично. Я же говорила тебе, что он отнесется к этому нормально.

– Не совсем так.

– Что он сказал? – В голосе Мари внезапно прозвучали материнские нотки.

– Дело не в этом, – попыталась пожать плечами Виолетта. – Я хочу сказать, Боб не говорил... Он несколько раз повторил, что все в порядке, что это явилось для меня большим потрясением и мне нужно отдохнуть столько, сколько потребуется.

– Но?..

– Я просто почувствовала. Я знаю, Боб думает, что я обленилась. И не хочу работать.

Мари ничего не ответила.

– В любом случае тебе пора уходить, – сказала Виолетта, прилагая все силы к тому, чтобы ее голос прозвучал нормально. – Ты же не хочешь получить очередную взбучку от Сандры.

Ей даже не нужно было смотреть на Мари, чтобы понять, какое лицо та скорчила. Однако подруга не унималась.

– Что сказала полиция?

– Я не спрашивала. Я хочу сказать, мне бы все равно ничего не сообщили, ведь так?

– Подожди, – выпучила глаза Мари. – Ты ведь не думаешь, что это он, да? Из соседней квартиры. Может быть, он... ну, сама знаешь.

– Мари, пожалуйста!

– Ну хорошо, хорошо. Извини, просто... прямо у нашего дома. Матерь божья! Нам нужно переезжать. Это место... я ведь тебе говорила, да?

Виолетта промолчала.

– Итак, чем ты собираешься заняться?

– Ничем. Мне просто нужно нормально выспаться.

Мари начала было кивать, но остановилась, уставившись на кружку Виолетты.

– Ничего, что ты пьешь это перед сном?

– Он без кофеина, – солгала Виолетта.

– Тогда нормально, – сказала Мари.

Смерив подругу долгим испытывающим взглядом, она наконец встала.

Виолетте очень не хотелось задавать следующий вопрос. Она хотела, чтобы Мари ушла и закрыла за собой дверь, оставив ее со своим кофе и смутными тревогами, но не смогла удержаться.

– Мари...

– Да?

– Ты... э... больше никого не видела в нашем доме? Кого-нибудь, кого не должно здесь быть?

Взгляд, и сдержанное беспокойство, которое она так отчаянно старалась скрыть.

– Что ты имеешь в виду? Кого, например?

– Ну... людей. Шатающихся без дела. Группами. Стоящих неподвижно, словно... не знаю. – Виолетта едва удержалась, чтобы не сказать о шепоте.

Мари помолчала.

– Виолетта, опять ты за свои ужастики!

– Твою мать, сама знаю! – На мгновение Виолетта отшатнулась назад, пораженная силой собственной реакции. – Я просто спросила. Не бери в голову.

– Чудесно. – Определенно, Мари была встревожена. – И отвечая на твой вопрос – нет, не видела. Я хочу сказать, что я видела много разных людей, но ничего странного или... «неподвижного».

– Хорошо. – Виолетта попыталась пожать плечами, не желая встречаться взглядом с Мари.

Снова пауза.

– Слушай, мне пора идти. А ты просто... отнесись ко всему проще, лады? Ложись, поспи. Виолетта ничего не ответила.

* * *

При свете дня здание выглядело странно, непривычно. Тишина, господствовавшая ночью, когда жильцы спят, сменилась непрерывным потоком слабых звуков. Разговоры, телевизоры, стиральные машины, крики. Все это нахлынуло сквозь тонкие стены, приглушенное и искаженное настолько, что невозможно было определить источник. Но никакого шепота. Виолетта встретила с полдюжины жильцов, идущих домой и выходящих из дома, но все двигались, перемещались, куда-то направлялись. Все, кроме слесаря-сантехника, который стоял и сосредоточенно стучал разводным ключом по трубе. И молодого парня в линялой футболке, ходившего взад и вперед по коридору, который остановился и бросил на Виолетту любопытный взгляд, отчего та почему-то смутилась. Но не было никаких смутных фигур, собравшихся вместе, никаких силуэтов, прижавшихся к окну, словно в ожидании чего-то.

Ближе к вечеру, когда Виолетта наконец заползла в кровать, она успела побывать практически во всех коридорах и на всех лестницах убогого старого корпуса Баньян-Корта. Ей было странно бродить по зданию при свете дня, а освещенные солнцем стены, которые она привыкла видеть в свете люминесцентных ламп, казались ненастоящими. Их прохладный уют сменился удушливой жарой. И все же даже Виолетта не могла отрицать, что дневной свет поднял ей настроение, и под конец ей удалось почти полностью прогнать гнетущее ощущение чего-то плохого – или же она просто смогла запихнуть его под толстые слои усталости, спрятать в ноющих мышцах и онемевших заскорузлых пальцах.

* * *

Открыв глаза, она увидела темноту. Неужели она заснула? Рука автоматически потянулась в поисках выключателя, но она отдернула ее, прежде чем его нашла. В одно мгновение сон как рукой сняло: она напрягла слух, прислушиваясь.

Шепот был тихий, но настойчивый, и на какую-то долю секунды она испытала жуткую уверенность в том, что он исходит из кухни. Пальцы Виолетты нащупали выключатель, и комната залилась искусственным светом. Страх молниеносно распалил злость, и она не теряя времени вбежала в соседнее помещение, которое, разумеется, оказалось пустым, а шепот по-прежнему звучал где-то рядом, но теперь приглушенный, отдаленный. Где Мари? Ну конечно, сегодня пятница, и она, вероятно, заглянула в бар. Подождите, сегодня точно пятница? Не важно, подруги дома нет. Виолетта без спешки осмотрела каждый дюйм своей крошечной квартиры.

Дверь в комнату Мари была закрыта. Возможно, шепот доносился из нее. Она заперта на ключ? А может быть, Мари дома, отдыхает в тишине и не слышит, что происходит вокруг. Неприкосновенность их комнат была одним из краеугольных камней их совместного проживания. Но Виолетте требовалась полная уверенность. Схватившись за ручку, она ощутила прилив облегчения, так как дверь была не заперта, затем взрыв ужаса при мысли о том, что могло ждать ее внутри. Она открыла дверь.

Комната была пуста. Обстановка в ней была минимальная, практичная, отражающая жизнь преимущественно не дома. Но что самое главное, спрятаться здесь было негде. Виолетта выдохнула, казалось, впервые с тех пор, как проснулась. Дома шепчущих фигур нет. Пока что нет. Поймав себя на этой мысли, Виолетта попыталась сосредоточиться: нет оснований полагать, что они смогут сюда проникнуть. Здесь ей ничто не угрожает.

Быстро одевшись, Виолетта натянула ботинки и, не теряя времени на то, чтобы зашнуровать их надлежащим образом, вышла из квартиры. Окно в конце коридора было темным, огни города почти не проникали в него. Сегодня она не чувствовала себя в безопасности. Мысль эта непрошеной явилась в ее сознание, и у нее не хватило сил прогнать ее прочь. Возможно, мать права и никакой безопасности никогда и не было. Но в ее рассказах ничего подобного не происходило, и Виолетта начала поиски.

Она обнаружила троих на лестнице у площадки пятого этажа. Развернувшись, она быстро пошла в обратную сторону. В конце коридора на восьмом этаже их собралось человек шесть или семь, и опять же она не смогла заставить себя приблизиться к ним. Перед лифтом на десятом этаже стояли всего двое, но когда она развернулась, стало ясно, что за углом есть еще кто-то. До сих пор она их не считала, но теперь, когда начала, она быстро сбилась со счета. Ей хотелось подойти к ним, спросить, что происходит. Это ее дом, ее город, они не имеют права здесь находиться. Ее не запугать. Но она не нашла в себе сил на ту дерзкую походку, которой прошла по Огюстин-стрит. Вместо этого она побежала.

Виолетта остановилась у окна, чтобы перевести дыхание. Посмотрев вниз на убогий заасфальтированный внутренний двор, она разглядела еще пятерых под тусклой лампой дежурного освещения. Неизменно лицом друг к другу, ни разу так, чтобы их можно было отчетливо рассмотреть, грубая практичная одежда грязная и поношенная. Виолетта стояла у окна пятого этажа и минут двадцать смотрела на них. Они не двигались с места. Даже на таком расстоянии она слышала их шепот. Почему они тут стоят? Разве у них нет никаких дел? Все дело в ней? Они о ней шепчутся?

Виолетта могла бы часами наблюдать за ними, но оцепенение разбил звук открывшейся у нее за спиной двери. Лихорадочно обернувшись, Виолетта увидела молодую женщину, удивленно смотрящую на нее. Только когда женщина спросила у нее, что она здесь делает, Виолетта сообразила, что перед ней еще одна обитательница Баньян-Корта. Она хотела ответить женщине, объяснить, что происходит, попросить о помощи, но не смогла издать ни звука. Последовало мгновение тишины, обе женщины ждали друг от друга каких-нибудь слов, но тут внимание Виолетты привлек металлический скрип, за которым последовал грохочущий лязг древнего механизма.

Не дожидаясь реакции женщины, охотясь за источником шума, Виолетта побежала по коридору, завернула за угол, мимо двух тихо разговаривающих фигур. Внезапно до нее дошло, что это было, и она повернула обратно, возвращаясь к спиральной лестнице в середине здания.

Три фигуры с черными от грязи руками находились в решетчатой кабине старого лифта. Эти трое говорили громко и внятно, но их голоса тонули в грохоте механизма. Виолетта ощутила приступ тошноты при виде того, что эти древние железные кости снова движутся. Она бросилась вверх по лестнице вдогонку за медленно поднимающейся кабиной, стараясь уловить хоть одно слово из того, что говорили неизвестные. На двенадцатом этаже Виолетта вынуждена была остановиться. Глядя на то, как кабина продолжила движение сквозь потолок у нее над головой, она ощутила непреодолимое желание закричать, но не смогла издать ни звука.

Пошатываясь, Виолетта вернулась к себе, зажимая уши руками в отчаянном стремлении защититься от шепота встретившихся ей по пути нескольких групп неясных фигур. Сколько же их всего? Виолетте хотелось забыть о них, закрыться в своей комнате и просто дожидаться ночи, однако входная дверь как всегда захлопнулась за ней, а она в спешке забыла захватить ключи. Она непроизвольно потянулась за телефоном, затем вспомнила, что его также нет, и у

нее в груди начала нарастать паника. Шепот приближался. Фигур были десятки. Сотни. И хотя они стояли неподвижно, их присутствие обволакивало ее плотным туманом.

Положение было безвыходным. Бежать некуда. Звонить некому. Виолетта едва держалась на ногах, но тут она уловила застарелый запах табачного дыма. Она обернулась, ожидая увидеть своего соседа, но в коридоре никого не было. Не раздумывая, Виолетта кое-как дошла до двери 116-й квартиры и заколотила в нее кулаками. Несколько проникнутых ужасом секунд ей казалось, что дверь не откроется, но затем щелкнул замок, и на пороге возник он.

Виолетта лишилась дара речи, не могла произнести ни слова. В горле у нее стоял вкус выхлопных газов и пыли. Парень молча смотрел на нее с выражением глубокого сострадания на лице. От его прокуренной одежды пахло старым табаком.

– *Помогите*, – задыхаясь, выдавила Виолетта.

Парень медленно покачал головой.

– Они не настоящие, – сказал он, и в его голосе прозвучала напускная решимость. – Не нужно их оживлять.

– Чего они хотят?

– Ничего, – ответил незнакомец. – Мертвые мертвы. Справедливость только для живых.

И дверь 116-й квартиры захлопнулась, оставив Виолетту одну.

Она осталась стоять в коридоре, чувствуя, как страх постепенно переходит в онемение. Ей оставалось только ждать. И точно, у нее за спиной тихонько звякнул лифт. Обернувшись, Виолетта увидела, как двери раздвинулись, открывая ее взору новых безликих шептунов, битком набившихся в кабину, и все они стояли к ней спиной. Она медленно направилась к ним, но двери не закрывались.

Невнятное бормотание разом затихло, и снова наступила тишина. От нее у Виолетты больно зазвенело в ушах, и она почувствовала поднимающуюся в груди ярость. Слова сами собой слетели с ее уст, хотя она не могла взять в толк, зачем это сказала.

– Возвращайтесь на работу!

Виолетта бросила это как заклинание, изгоняющее нечистую силу, и фигуры обмякли, будто из них вырвали дух, приводивший их в движение. Гнев схлынул так же стремительно, как и пришел, уступив место глубочайшему стыду.

– В чем дело? – взмолилась Виолетта. – Что вы хотите мне сказать?

Фигуры, все как одна, повернулись к ней и сняли капюшоны, открывая головы. Волосы у них были грязные от пота и угольной пыли, руки были покрыты ссадинами и мозолями, оставленными кирками, швейными иглками и сборочными линиями, лица были в пятнах от кофе и какао. Рты их были зашиты перекрестным стежком окровавленными нитями, однако теперь произнесенные шепотом слова звучали отчетливо. И Виолетта слушала их, выясняя, чем закончится история.

* * *

Мари не на шутку встревожилась. Если бы ей было хоть что-нибудь известно о родных Виолетты, она бы им позвонила, а так ей приходилось довольствоваться тем, что она раз в три-четыре часа стучала в запертую на ключ дверь комнаты подруги и спрашивала, как та, не нужно ли ей что-нибудь. Ответ неизменно был один и тот же:

– Все в порядке. Я просто думаю.

Мари попробовала еще раз. Виолетта «просто думала» уже почти два дня, а вчера ей нужно было снова выходить на работу. Определенно что-то случилось, и если так будет продолжаться и дальше, нужно будет вызывать врача или делать еще что-нибудь. Хотя Мари поняла, что это может быть за «что-нибудь». Интернет не предлагал простого ответа на

то, как быть, если у лучшей подруги нервный срыв. Мари всегда полагала, что Виолетта слишком много работает.

Но в любом случае Мари не сомневалась в том, что ее подруге будет интересно узнать о приглашении. Для полной уверенности она перечитала его еще раз, но текст оставался в точности таким же. Это была какая-то бессмыслица, но выведенные на плотной мелованной бумаге изящные буквы выглядели безукоризненно. Если это был розыгрыш, кто-то потратил на него серьезные деньги.

*ТОБИАС ФЕЛЛ любезно приглашает
ВИОЛЕТТУ ЭНГ
присутствовать на званом вечере по адресу
Баньян-Корт, 1, вечером 16 августа 2014 года.
Доступ в пентхаус будет обеспечен
посредством грузового лифта*

Снова постучав в комнату подруги, Мари просунула приглашение под дверь.

В крошечной темноте своей комнаты Виолетта улыбнулась. Ей не нужен был свет, чтобы узнать, что говорилось в приглашении. Ее ждала работа.

Второй. Стук

**Жезуш Кандиду.
Баньян-Корт, 30**

Тук-тук-тук.

Серебряная головка трости ритмично постукивала по начищенной коже дорогого ботинка. Этот негромкий, но настойчивый звук нарушал практически полную тишину аукциона. Жезушу Кандиду было скучно.

– Следующим предлагается лот номер четырнадцать, – монотонно бубнил распорядитель аукциона. – Резная керамическая миска, по заключению экспертов, работы народности гуарани, возраст неизвестен. Двести фунтов, начальная цена двести фунтов.

Ничего такого, ради чего стоило терять время. Жезуш продолжал нетерпеливо постукивать. Из разных концов зала на него бросали взгляды с разной степенью любопытства. Он видел, как присутствующие оценивают его ладно скроенный костюм бутылочно-зеленого цвета, галстук, завязанный мастерским узлом Элдридж, утонченные равнодушно-презрительные манеры. Кто-то, узнав его, с восторженным восхищением перешептывался со своими спутниками. Другие не подавали вида, что знают его, но, возможно, потом они расспросят о нем и выяснят его имя. И поймут, почему *должны* его знать. Жезуш легко усмехнулся. Меняющаяся мода, отмывание денег и новоиспеченные миллиардеры от высоких технологий обусловили то, что торговля произведениями искусства переживала небывалый подъем, и хорошему дилеру нужно было поддерживать свой статус любыми мелочами. Даже такая *легенда*, как он, не могла почивать на лаврах.

– Продано Марго за двести сорок фунтов, – двигался дальше распорядитель аукциона, стараясь не обращать внимания на театральные зевки Жезуша. Этот человек определенно знал того, кто захотел быть узнанным на его аукционе.

А этот аукцион, пожалуй, и годился только для того, чтобы показать на нем себя. Обычно Жезуш вел свои дела удаленно, как и остальные члены «круга» – его коллеги, хотя, наверное, правильнее было бы сказать «сообщники», – однако сегодня у него выдался свободный день, он находился в этих краях и, поддавшись сиюминутной прихоти, решил присутствовать на торгах лично. По крайней мере, имело смысл изредка показывать свое лицо. Начнем с того, что именно Жезуш предупредил Дезмонда и остальных членов «круга» об этом аукционе. Его шурина Антониу, чиновнику в бразильском правительстве, сообщили о недавней кончине одного состоятельного скотовода. Судя по всему, умерший был владельцем внушительного собрания художественных ценностей, однако его родственников подобные вещи не интересовали, и они решили распродать коллекцию в Лондоне, где вели свои дела.

– Продано Уильяму по телефону за пятьсот десять фунтов, – объявил распорядитель аукциона.

Служащие унесли весьма безвкусную статуэтку. Жезуш даже не заметил, как ее вносили в зал.

Но вот дело наконец дошло до того предмета, за который Жезуш решил поторговаться. Возможно, это несколько оживит торги.

– Теперь лот номер тридцать два, фигурка религиозного назначения из стеатита, считается работой Алейжадинью ². – Пауза. – Хотя это не подтверждено. Начальная цена тысяча фунтов.

---

² Алейжадинью, Антониу (1730–1814) – бразильский архитектор и скульптор. (Здесь и далее прим. перев.)

– Тысяча фунтов, – сказал Жезуш, вступая в торги, как ему и было указано. Если честно, он считал явно завышенной эту цену за то, что могло оказаться подделкой. Но, быть может, это придаст аукциону некоторую драматичность.

– Одна тысяча фунтов, – повторил распорядитель аукциона, обводя взглядом зал. – За лот предложена цена одна тысяча фунтов.

Молчание.

– Продано Жезушу Кандиду за одну тысячу фунтов.

Это была какая-то ерунда. Жезуш начинал уже думать, не совершил ли он ошибку. В каталоге не было ничего примечательного, но, сидя в зале и наблюдая за этим парадом крайне убогих поделок, он проникся глубоким беспокойством. Вот так проходил весь аукцион: представители «круга» покупали то, что им поручили, с минимальными торгами. Замечательно для «круга», но для Жезуша невыносимо скучно. При мысли о том, что большинство этих предметов он вскоре снова увидит на «Стуке», он пожалел, что привлек внимание своих коллег. И все-таки он купил то, что было ему поручено, так что теперь можно уходить. Быть может, ему удастся устроить из этого целое представление.

– Лот номер пятьдесят один, интригующая смешанная работа, масло и уголь по холсту. Художник неизвестен, дата неизвестна. Начнем с восьмидесяти фунтов.

Взглянув на полотно, Жезуш непроизвольно сел на место. Просматривая перед аукционным каталог, он не обратил внимания на эту работу, посчитав ее очередным бросовым мусором из забытой коллекции. Полотно размером четыре на восемь футов, масло и уголь на холсте. Абстрактная мазня, без названия, автор неизвестен, стоит какие-нибудь гроши. «Круг» выделил работу только потому, что Уильяму Дюфине, новичку в его рядах, которого Жезуш втайне считал выскочкой, начисто лишенным вкуса, поручили полностью оформить особняк в деревне. Поэтому он скупал все, что на его взгляд сочеталось с остальной обстановкой. Однако, глядя на полотно сейчас, Жезуш не мог себе представить, как оно впишется в какой бы то ни было интерьер. Человек тактичный назвал бы картину «своеобразной».

Однако даже Жезуш вынужден был признать, что, увидев полотно воочию, он получил совершенно другое впечатление, чем от безликой фотографии в каталоге. С таким же успехом он мог смотреть на совершенно другую работу. Выберирующий и пьянящий поток ярких, выразительных линий, вроде бы закрученных и переплетенных между собой без какого-либо смысла, но так казалось только до тех пор, пока сознание наконец не упорядочивало их в то, чем они должны были быть: женским лицом. Глаза прорисованы смутно, рот закрытый и непроницаемый, но улыбающийся. Стилль был грубый, местами даже детский, но в работе что-то было. Что-то такое, чего он хотел...

Услышав вокруг удивленные голоса, Жезуш спохватился, что тянет руку, участвуя в торгах. Он создавал, что не ему полагается покупать эту картину, поэтому опустил руку, испугавшись, что невольно поднял цену.

– Извините, мистер Кандиду, вы принимаете участие? – Распорядитель аукциона был удивлен не меньше остальных.

– Восемьдесят фунтов! – Кто-то безжалостно выкрикнул из глубины зала, прежде чем Жезуш нашелся что ответить.

Он узнал этот голос, принадлежащий молодой женщине по имени Марго Ланкастер, члену «круга», привыкшей выполнять свои заказы. Он облегченно вздохнул. «Круг» получит то, что ему причитается. Но даже так ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы сохранить выдержку. Чтобы Жезуш Кандиду торговался за подобную мазню, без имени автора, стоящую не дороже холста, на котором она была намалевана, – это было что-то немыслимое. *Возможно*, Жезуш был готов поступиться своим художественным вкусом, если «круг» поручит ему приобрести какую-нибудь вещь, но в остальном он считал только одно свое участие в торгах величайшим комплиментом. Но эта работа...

Определенно, Жезуш считал, что у него наметанный глаз на любительское искусство, на то, что создано теми, у кого нет специального образования и опыта, однако он совсем не стремился к тому, чтобы об этом знали другие. И, тем не менее, несмотря на все усилия снова погрузиться в сосредоточенное безразличие, Жезуш поймал себя на том, что его рука опять начинает подниматься, и поспешно опустил ее до того, как это заметил распорядитель аукциона.

Жезуш проводил взглядом, как картину унесли, проданную Марго за сто десять фунтов. В прошлом чутье еще никогда его не подводило. Чем больше он над этим размышлял, тем больше крепла уверенность: это полотно идеально подойдет для его личного собрания. Жезуш решил получить его, и к черту Уильяма Дюфине. Он улыбнулся, поймав себя на том, что уже давно не ждал с таким нетерпением следующего «Стука».

* * *

– Вот это? – спросил таксист, когда черная машина свернула к Баньян-Корту. – Адское местечко. Но вам не к двери для бедняков, да?

– Нет, – ответил Жезуш, не обращая внимания на панибратский тон и отвратительные смешки водителя. – Не к ней.

Он вышел из машины, внимательно смотря себе под ноги. Перед ним возвышалась громада Баньян-Корта. В этом мире есть здания, предназначенные только для того, чтобы выполнять какую-то функцию, и помимо этого не имеющие никаких эстетических амбиций. Или, наверное, точнее будет сказать, что их эстетические амбиции заключаются как раз в *том*, чтобы выполнять свою функцию. Другие здания гостеприимные, радушные, но есть еще и суровые, устрашающие: напоминание тем, кто переступает их порог, о могуществе и влиянии их творцов. Но некоторые здания, по крайней мере на взгляд Жезуша Кандиду, представляют собой произведения искусства.

Многие уже проектировались как таковые, красота изначально закладывалась в них талантливыми архитекторами, в то время как другие стали произведениями искусства случайно, прошли к этому через упадок или разрослись позднейшими пристройками и переделками. Некоторые даже стали произведениями искусства исключительно благодаря контексту: крохотная неказистая церквушка, отказавшаяся продавать свою землю, упрямо существующая в самом сердце делового района, обнесенная со всех сторон модными уродствами из стекла и бетона. Просто нужно знать, где искать.

– Эй! – ворвался в размышления Жезуша голос таксиста. – Вы забыли свою прикольную трость.

Жезуш молча забрал трость.

– Не хотим, чтобы кто-нибудь подумал, будто вы ошиблись адресом, да? – Захлопнувшая входная дверь оборвала смех таксиста.

Жезуш не сомневался в том, что Баньян-Корт возводился, чтобы быть красивым. Не могло быть и речи о том, чтобы это переплетение стекла и бетона с облупившимся кирпичом старого жилого здания служило каким-либо практическим целям. И, несомненно, здание имело большой успех, это правда. Но красивым может быть все что угодно. Красота стоит дешево. Красота *очевидна*. И, тем не менее, Жезуш предпочел жить именно здесь. Не из-за тех художественных достоинств, которыми, как утверждалось, обладал Баньян-Корт, но из-за тех, о которых никто даже не задумывался. Здание возвышалось ярким осколком излишества, погруженным в серые умирающие улочки нищеты и борьбы за жизнь, не в силах даже признать то, что отдельные его части считались позорными. С эстетической точки оно было приемлемым. Концептуально оно являлось произведением искусства. Поэтому Жезуш жил в нем.

Он не стал спорить с таксистом, потому что ему ничего не нужно было доказывать. Он знал, что такое нищета и деградация, хотя самому ему и не пришлось иметь с ними дело. К искусству необязательно прикасаться руками.

* * *

– Добрый вечер, заходите. – Жезуш постарался скрыть свое раздражение тем, что первым на «Стук» пришел Уильям Дюфине.

– О, привет, Джесус! Дезмонд уже здесь? Что мы пьем?

Жезуш ничего не ответил. Он не имел ни малейшего желания отвечать тем, кто не трудился произнести правильно его имя.

– Только взгляните на это! Мне надо написать заметку в «Досуг». «Тайная галерея искусств, которая переплюнет музей Хорнимана!»³ – Дюфине оскалился. – Дезмонд спрашивал, почему эта вещица не в Лангхэме?⁴

Совершенно предсказуемо, Дюфине остановился перед самой неинтересной картиной в экспозиции, второстепенной работой Якоба Мариса⁵, которую Жезуш держал только потому, что было бы невежливо не иметь ничего из гаагской школы.

На самом деле Дезмонд Акстон, основатель «круга», сильно разругался с одним из управляющих музея Лангхэма, после чего клятвенно пообещал, что ноги его там больше не будет, однако к Уильяму Дюфине это не имело никакого отношения, и Жезуш не собирался ничего ему говорить.

Вскоре к ним присоединились и другие члены «круга», в том числе сам Дезмонд. Похвалив квартиру Жезуша, они рассаживались по местам, готовясь к торгам. И действительно, он подготовился прекрасно, восемь членов уютно устроились в просторной гостиной. Никто не говорил об этом, но Жезуш находил определенную справедливость в том, что покойник, чьи пожитки они собирались распродать, руководил одной из многих компаний, принадлежащих в конечном счете Тобиасу Феллу, владельцу Баньян-Корта. В конце концов, это самое подходящее место, чтобы распределить доходы от аукциона, чьи результаты были предreshены заранее.

– Итак, – наконец начал Дезмонд, когда все расселись, – начинать по порядку лотов или по стоимости? Лично мне все равно.

– Полагаю, если по порядку лотов, проще будет ориентироваться, – заявила Марго, одна из первых членов «круга», и поскольку никто не возражал, торги начались.

На самом деле суть «Стука» была очень простой. Эти торги проводились между членами «круга», которые на обычном аукционе перегрызли бы друг другу горло, однако они договорились не соперничать друг с другом – разве что для видимости. Это означало, что некоторые лоты удавалось приобрести лишь за малую толику того, что пришлось бы выложить за них в противном случае. Конечно, было много покупателей, не входивших в «круг», и если они нацеливались на какой-нибудь лот, цена все равно поднималась выше идеальной, но карманы у «круга» были глубокие, а значительную часть расходов его членам удавалось компенсировать на «Стуке». После того как назначенные покупатели получали в свои руки как можно больше из отобранных заранее лотов, члены «круга» устраивали второй, закрытый аукцион, на котором все торговались за приобретенные ими лоты. Победитель расплачивался с тем, кто купил этот лот на обычном аукционе, после чего общая сумма покупки распределялась поровну между всеми членами «круга». В результате деньги вращались в замкнутом простран-

---

³ Музей Хорнимана – открытый в 1901 году в Лондоне Музей антропологии, естественной истории и музыкальных инструментов.

⁴ Лангхэм – городок в графстве Суссекс, в котором находится Музей естественной истории.

⁵ Марис, Якоб (1832–1899) – голландский художник-импрессионист, представитель гаагской школы.

стве, и если кто-то платил дорого за покупку на открытом аукционе, затраты компенсировались другими членами.

Этот способ позволял приобретать ценные произведения искусства гораздо дешевле их настоящей цены, но, более того, «круг» оставался сообществом избранных, что помогало отпугивать посторонних и не давать укорениться новым деньгам. Искусство, втайне верил Жезуш, на самом деле предназначалось не для всех и каждого, и «Стук» позволял сохранять эту жизненно важную иерархию. На самом деле это было не вполне законно, но это не имело значения. «Круг» представлял собой не какой-то мелкий сговор торговцев металлоломом; он объединял людей состоятельных, имеющих положение в обществе, а таких закон предпочитает обходить стороной.

И все же сегодня Жезуша беспокоило другое. Он настроился торговаться за одну конкретную вещь. Лот номер пятьдесят один, запомнил он. Разумеется, самих вещей здесь не было, их доставят в случае необходимости, но в памяти Жезуша сохранился очень живой образ. Странно, он уже повидал на своем веку столько «Стуков», а сейчас волнение, которое он испытывал в ожидании начала торгов, казалось ему чем-то новым и незнакомым. Однако по мере того как добыча распределялась между членами клуба и аукцион приближался к картине, которую ему так и не удалось выбросить из головы, Жезуш нервничал все больше. Лот номер сорок шесть был выставлен на продажу и ушел. Лот номер сорок девять. А что, если не он один разглядел потенциал загадочного полотна, что, если картину уведут у него из-под носа?

Как оказалось, тревоги его были напрасны. Никому из членов «круга» не было никакого дела до полотна. Уильям Дюфине абсолютно равнодушно объявил стартовую цену, уверенный в том, что картину ему придется забрать себе. Увидев, что Жезуш вскинул руку, поднимая цену, он подавил смешок. Дезмонд подался вперед.

– Я бы не стал беспокоить старика, – шепнул он Жезушу. – Порой я и сам теряю нить.

Не глядя на него, Жезуш поднял руку выше, подтверждая свою заявку. Собравшиеся начали перешептываться: одни гадали, не пропустили ли они в этой картине что-то важное, другие презрительно усмехались, уверенные в том, что Жезуш наконец совершил свою первую ошибку. Он не обращал на них внимания. Никто не увидел в картине то, что увидел он. Жезуш не собирался кривить душой и убеждать себя в том, будто немое недоумение, написанное на лицах, и язвительные усмешки его несколько не трогают, но будь он проклят, если это покажет. Уильям пожал плечами, соглашаясь на предложенную цену. И на том все закончилось.

* * *

– Позвольте поинтересоваться, что вас так привлекло в этой картине? – спросил Дезмонд после окончания торгов, когда остальные уже учтиво откланялись. Отношения с другими членами «круга» у Жезуша были чисто деловыми, и одного только Дезмонда он считал своим другом.

– Вы ее лично не видели, правильно? – спросил он, выпуская облако сигарного дыма, лениво вылетевшее с балкона и растаявшее в ночном воздухе.

– Скажу честно, не видел. Как всегда, за меня вел торги Мюллер, я давал ему указания по телефону. Насколько я понимаю, фотографии не отдают ей должного?

– Вы правы. Я этого совсем не ожидал.

– И все-таки это никчемная посредственность, разве не так? Может быть, для создания атмосферы, но... что такого вы все-таки в ней увидели?

– Это... непосредственность любителя, – вдруг перешел в оборону Жезуш. – Цветовая палитра, линии. Представьте себе Джорджиану Хоутон. Или Мадж Гилл ⁶, возможно.

---

⁶ Хоутон, Джорджиана (1814–1884) – английская художница и спиритистка; Мадж Гилл (урождённая Мод Этель Идс, 1882–

– Потусторонние линии и причудливая геометрия, а? – Дезмонд задумчиво затаился. – Честно признаюсь, я в ней ничего не увидел.

– Ну а я увидел.

– Гм. Похоже, она действительно вас затронула.

Тон Дезмонда был небрежный, но сами слова все равно заставили Жезуша вздрогнуть. Он неуютно заерзал.

– Ну да. Да, затронула.

– Если только вам не известно что-то такое, о чем вы не говорите?

Своей улыбкой Дезмонд постарался как мог скрыть легкую досаду, прокрававшуюся в его голос. Жезуш знал, что его друг больше всего на свете не переносит, когда ему кажется, будто его провели.

– Нет. Просто... картина мне понравилась. – Жезуш хотел добавить что-то еще, выразить словами чувства, порожденные в его душе загадочным полотном, однако английский язык такой прямолинейный и неуклюжий, что он просто не смог этого сделать.

– Ну, надеюсь. Продавать ее вы ни в коем случае не станете, так что предлагаю подумать, где ее повесить.

– Непременно. Картина займет подходящее ей место.

Пожав плечами, Дезмонд вернулся к своей сигаре. Друзья молча смотрели, как струйки дыма выются и искривляются в огнях города внизу.

* * *

Через два дня консьерж доложил Жезушу о том, что его картина прибыла. Он поспешил вниз так быстро, как позволял лифт, в надежде застать посыльных до того, как те ушли, однако когда он наконец спустился в фойе, их уже и след простыл. Что хуже, за стойкой сидел тот консьерж, которого Жезуш особенно невзлюбил: долговязый мужчина средних лет, который разговаривал сам с собой и утверждал, что обо всех проблемах позаботились, в то время как никто и не думал ими заниматься. Жезуш решил не узнавать имя консьержа и всякий раз старательно следил за тем, чтобы не взглянуть на бейджик с именем. Он считал, что делает ему большое одолжение уже тем, что не предпринимает активных попыток добиться его увольнения. И все же, несмотря на прочие свои недостатки, консьерж, наверное, обладает достаточной физической силой, чтобы занести картину в квартиру, хотя при мысли о том, что он к ней прикоснется, Жезушу становилось немного не по себе. Выслушав просьбу, консьерж вздохнул и позвал кого-то из маленькой конторки заменить его за стойкой, чем вызвал раздраженное фырканье со стороны торговца произведениями искусства, недовольного бессмысленной заминкой. На семь вечера у Жезуша был заказан столик в «Гавроше», и он намеревался нагулять аппетит, выбирая место жительства для своего нового приобретения.

Несмотря на неудобства, вызванные переездом, картина вскоре уже уютно устроилась в квартире Жезуша в ожидании знакомства с местом, полновластным хозяином которого ей предстояло стать. Жезуш отпустил консьержа, испытав буквально осязаемое облегчение, и развернул упаковку. В картине было все то, что он запомнил, и даже больше: знакомое буйство красок, линии, извивающиеся и огибающие сами себя, нанося спиральные узоры, за которыми просто не мог проследить его взгляд. И вот через какое-то время снова появилась женщина, по-прежнему смотрящая ему в глаза, с губами, по-прежнему выгнувшимися нечитаемой линией. Жезуш вздохнул, переполненный восхищением и облегчением. В конце концов он оказался прав: картина была прекрасна.

Жезуш начал подыскивать для нее подходящее место на стене. Прихожая – это слишком близко, картина затмит всю остальную коллекцию. Гостиная также не подходила, поскольку все стены, на которых имелось достаточно свободного пространства, находились совершенно не под тем углом. В спальне картина будет слишком привлекать к себе внимание, даже несмотря на то, что Жезуш редко водил туда гостей, а когда он так делал, им двигало желание создать у них особое настроение. Оставался только кабинет, самое маленькое помещение в квартире, но ни в коем случае не самое скромное. По сравнению с прилизанной современной гостиной Жезуш обставил кабинет чуть ли не в пародийно классическом стиле, с письменным столом из темного мореного дуба и книжными шкафами с томами, переплетенными на заказ, чтобы соответствовать вкусу. Именно здесь он размещал свои самые любимые приобретения.

Один из гостей как-то спросил, как он может так расчетливо относиться к своему собственному дому, и Жезуш слегка опешил. Сам он никогда не заострял на этом внимания, но тут, подумав, пришел к выводу, что, пожалуй, он никакое место не считает своим домом. Эта квартира просто была местом, которое нужно было отделать, превратить в нечто ценное. Нет ничего ценного в том, чтобы просто где-то жить. Это под силу любому зверю. И, возможно, если человек этого не понимает, он недостоин иметь свое жилье. Разумеется, Жезуш не высказал этого вслух, его гостю незачем было это знать. Но вопрос глубоко засел у него в голове. К дому на самом деле это не имело никакого отношения. Это место он считает своим, потому что может полностью реализовать его потенциал, а эта работа потребует всю жизнь.

– Кабинет, – наконец сказал Жезуш, разглядывая картину. – Полагаю, вот самое подходящее для тебя место.

В настоящий момент это самое почетное место было отдано полотну Карела Шкреты ⁷ на религиозный сюжет, но, глядя на картину теперь, Жезуш вынужден был бороться с сильным желанием сорвать ее со стены и вышвырнуть в окно. Ему была знакома потребность двигаться дальше, оставляя прошлое позади, иногда даже уничтожая его, сжигая дотла и освобождая место для нового, однако никогда прежде это желание не было таким сильным. Собравшись с духом, Жезуш аккуратно снял Шкрету со стены.

Остаток дня он провел в тщательном переоформлении квартиры, передвижении и перестановке практически всего, до тех пор пока не стал снова полностью удовлетворен обстановкой. В конечном счете Жезуш избавился от нескольких вещей, которые были у него уже достаточно давно: от стеклянной статуэтки скульптора по имени Карл Велтер, в свое время считавшегося восходящей звездой, и нескольких литографий Барлаха ⁸, которые он приобрел по чистой прихоти в тот период, когда заигрывал с экспрессионизмом. Наконец Жезуш встал перед своим новым приобретением, занявшим полагающееся ему по достоинству место.

Тук-тук.

Очнувшись от размышлений, Жезуш в некотором недоумении осознал, что нужно зажечь свет. Когда успело стемнеть? Он ощутил в желудке гложущее чувство голода. Вспомнив о том, что вернуло его к действительности, Жезуш поспешил в прихожую и распахнул входную дверь. В коридоре никого не было.

В доме есть дети? Жезуш презрительно скривил губы. Разумеется, он не ссорился с теми, у кого были дети, если только они вели себя в рамках приличия. Однако сейчас маленьких шалопаев нигде не было видно. К счастью, на ужин Жезуш еще успевал, хотя он остро сознавал, что не привел себя в порядок после перестановки коллекции и должен выглядеть ужасно. Но тут он сообразил, что ему все равно.

Но это же какая-то ерунда, право! Он собирался устроить так называемый «показательный ужин»: это когда он ужинал один, одетый с иголки, сногсшибательный, для того чтобы

⁷ Шкрета, Карел (1610–1674) – один из крупнейших чешских живописцев эпохи барокко.

⁸ Барлах, Эрнст (1870–1938) – немецкий художник-экспрессионист, скульптор, писатель.

напомнить могущественным и влиятельным о том, какой у него хороший вкус. В конце концов, он Жезуш Кандиду, и его внешний облик сам по себе уже является произведением искусства. Однако, выглянув в окно на окружающий мир, такой блеклый и бесцветный после вибрирующих жизненной силой красок, с которыми он только что имел дело, Жезуш почувствовал, что ему абсолютно не важно, как он выглядит. Он торопливо поужинал, не обращая внимания на остальных посетителей «Гавроша», после чего сразу же вернулся домой.

* * *

Жезуш находился у себя в квартире. Казалось, она была нарисована по памяти, набросок, раскрашенный теми самими яркими красками, которые так пленили его воображение. Он понимал, что спит, однако это его нисколько не беспокоило, и он полностью отдался захлестнувшему его ласковому спокойствию.

«Вот это, – услышал он свои мысли, – это и есть дом».

Тук-тук.

Кто-то стучал в дверь. По сравнению с легкими тонкими мазками, изображающими остальную квартиру, прихожая была неясной и смазанной, словно ее намалевали старой кисточкой, обмакнутой в красный кадмий.

Тук-тук-тук.

Кто-то хотел войти.

Звуки стали настойчивее, агрессивнее. Жезуш взялся за ручку, и дверь воспламенилась, взорвавшись ярким отвратительным огнем. Он ощутил жар. Дверь обуглилась, линии, изображавшие ее, растрескались, сочные краски уступили место черной копоти. Ему снилось, что пламя распространялось по квартире и он чувствует запах горячей древесины. Но это был не приятный запах камина или костра, а жуткое зловоние, исходящее всем тем, что он знал, превращающимся в пепел и выжженную землю. Теперь полыхало уже повсюду, весь мир Жезуша был охвачен пожаром: все, что он так хладнокровно оценил и расставил по местам, поглотила волна невосполнимой утраты. Он чувствовал, как неумолимое пламя подбирается к нему, пожирая мягкие ткани и разрушая кости. Однако глаза его, пойманные в ловушку, безумно уставились на фигуру, медленно проходящую там, где когда-то была дверь. Боль была терпимой только потому, что не принадлежала ему. Она жила во сне, и ему оставалось только терпеть в надежде проснуться.

Тем временем фигура приближалась, и он увидел, что у нее лицо женщины с картины. Оно было перекошенное и искаженное, такое же, как на холсте, то же самое хаотичное смешение завитков и сердитых красок. Женщина была в платье защитного цвета, и она горела, жадно, отчаянно стремясь поглотить и полностью уничтожить все, к чему она прикасалась огнем, из которого состояла ее плоть.

Жезуш проснулся, вцепившись в себя руками, отчаянно пытаясь погасить несуществующее пламя и защитить дом, которого у него не было.

* * *

Следующие два дня Жезуш постоянно ловил себя на том, что не поспевает с работой; в сутках словно стало меньше на несколько часов, пропавших неизвестно куда. Незаметно для себя он оказывался перед новой картиной и подолгу стоял, всматриваясь в каждую линию, изучая формы и краски, стараясь понять, что именно привлекает его в ней. Как ни убеждал он себя в том, что ему безразличны замечания его коллег, его больно укололо их снисходительное пренебрежение его вкусом. Быть может, именно это двигало им? До сих пор его так не озадачивал ни один предмет.

Сидя за письменным столом в противоположном конце кабинета, Жезуш то и дело поднимал взгляд на яркие линии, охотясь на скрытое в них перекошенное лицо. Он пристально разглядывал картину, разговаривая по телефону, подправляя списки, просматривая толстые пачки документов, связанные с наиболее законными его делами. Ее присутствие радовало Жезуша, хотя временами она отвлекала его внимание настолько, что ему приходилось усилием воли отворачиваться от нее, чтобы сосредоточиться на работе.

Но на сегодня с работой было покончено, и остаток дня Жезуш намеревался провести на балконе, наслаждаясь пыльной жарой городского лета и читая книгу по английскому фарфору, которую ему посоветовал Дезмонд. Встав, он потянулся и, направившись в гостиную, прошел мимо картины. Рассеянно скользнув по ней взглядом, Жезуш обратил внимание на четкую алую линию, которую до сих пор почему-то не замечал, и задержался, чтобы рассмотреть ее получше.

Тук-тук.

Вздохнув, Жезуш оторвался от картины и направился к входной двери. Там никого не было. Опять. Высунув голову, он выглянул в коридор.

– Если так будет продолжаться и дальше, – крикнул Жезуш, – я вызову полицию!

Вероятно, он этого не сделает, но дети ведь глупые. Развернувшись, Жезуш захлопнул дверь, и при этом его взгляд упал на часы. Неужели уже так поздно? Во рту у него пересохло, в глазах была резь, словно он слишком долго что-то рассматривал. Пожалуй, завтра нужно будет купить глазные капли. Нехорошо, если у него будет усталый вид.

Достав из холодильника бутылку воды, Жезуш не спеша выпил ее, скользнув взглядом по полотну Альфреда Стевенса⁹, висящему на стене кухни. Это был небольшой портрет женщины в широкополой шляпе, строго разглядывающей сад. Однако у него из мыслей не выходил его последний шедевр. Шедевр? Нет, это была просто любопытная вещичка, на время завладевшая его вниманием. Скоро он проникнет в самые ее потаенные глубины, после чего картину надо будет менять на что-нибудь новенькое. Но даже так Жезуш находил странное облегчение в том, что больше не смотрел на нее. Однако в то же время какая-то другая его частица отчаянно хотела снова ее увидеть.

Внимательно изучив Стевенса, Жезуш был потрясен тем, какая же это скучная работа. В ней не было абсолютно ничего. Ни жизни, ни блеска, ни искры. Его сверлила мысль, что если он сейчас вернется к себе в кабинет, то сможет насладиться картиной, обладающей бесконечной глубиной. Но вместо этого он пил воду. Укрепляясь в мысли, что нужно будет заменить Стевенса.

* * *

Клиент допил последние капли дорогого выдержанного виски.

– Замечательно. Ну что, будем подписывать?

– Разумеется. – Жезуш горел желанием поскорее покончить с этим делом, не в последнюю очередь потому, что не помнил имя человека, сидящего напротив. Очередной недавно разбогатевший банкир, начисто лишенный вкуса, заказавший найти ему абсолютно безликую работу в стиле абстрактного импрессионизма.

– Восхитительно! – улыбнулся гость, поднимаясь на ноги.

Жезуш тоже встал, чтобы проводить его в кабинет. Естественно, это помещение предназначалось именно для того, чтобы создать подходящую обстановку для подписания контрактов и передачи денег, успокоив слишком нервных клиентов. Но почему-то, подходя к двери,

---

⁹ Стевенс, Альфред Эмиль-Леопольд (1823–1906) – бельгийский художник академического направления.

Жезуш замедлил шаг. Его охватила дрожь, словно он чего-то боялся. Но *чего?* Картины? Вот в чем дело. Подсознательно ему не хотелось делиться ею с этим заурядным клиентом.

– Мистер Кандиду?

Быть может, картина пленит этого человека так же, как она пленила его, и он станет изыскивать способ приобрести ее для себя.

– Она не продается, – пробормотал Жезуш.

– Простите? Я не совсем понял, – небрежно произнес гость. Лицо его оставалось безмятежным и равнодушным.

Нет, этот человек не сможет оценить картину. Но не будет ли это хуже? Безразличие? Этот лишенный вкуса болван не увидит в ней ничего примечательного, в то время как над Жезушем она приобрела необъяснимую власть.

А может быть, он просто хочет оградить этого человека от сновидений, по-прежнему являющихся ему по ночам?..

– Погода просто отличная, – твердо произнес Жезуш. – Мы подпишем документы на балконе.

Он не мог сказать, откуда появились эти мысли, однако какими бы ни были точные параметры его беспокойства, все указывало на то, что кабинет, место личное, где время просто исчезает, придется в каком-то смысле подержать на карантине.

* * *

– Но где он ее достал?

– Я не могу тебе сказать, где он ее достал, именно это я и пытаюсь тебе объяснить, – ответил Антониу своим выводящим из себя голосом с псевдоанглийским акцентом.

Жезуш постарался держать себя в руках. Шурин постоянно подначивал его, издеваясь над тем, как его акцент изменился за долгие годы, прожитые в Лондоне, и однажды дошел до того, чтобы говорить с ним исключительно по-английски, хотя сам он едва владел этим языком, для того чтобы «Жезуш чувствовал себя как дома». В конце концов они договорились положить конец этой шутке, однако Антониу по-прежнему приправлял свой португальский идиотской британской гнусавостью. Хорошо хоть он перестал предлагать Жезушу подарить свою любовь королеве Великобритании.

– Должно было быть что-то. – Жезуш был вымотан до предела, терпение его стало тонким, как калька.

– Бухгалтерию этот тип не вел. – Он буквально услышал по телефону, как Антониу пожал плечами. – А то, что осталось, не хотят отдавать его родственники.

– Это какой-то бред. Он руководил крупной компанией, почему архивы у него в таком жутком виде?

Последовала пауза.

– Я хочу сказать, ты живешь этажом ниже Тобиаса Фелла. Может, лучше у него спросить?

– Что ты хотел сказать?

– Ничего.

В голосе шурина прозвучала какая-то странная нотка, легкая дрожь, предупредившая Жезуша о том, что он о чем-то умалчивает.

– Антониу, я должен знать. Это крайне важно.

– Послушай, наверное, ты слишком долго прожил за границей. *Его архивы уничтожены.*

Все встало на свои места. Крупный скотовод уничтожил все свои архивы – это могло означать только одно: нелегальный захват земли. Сожженные деревни. Убийства. После долгого молчания Антониу заговорил снова:

– Но я тебе ничего не говорил, понятно?

– И все-таки это какая-то бессмыслица. Эта картина – она совсем не похожа на другие работы местных художников, которые я видел.

– Ну тогда не знаю. По крайней мере, полной уверенности у меня нет. Я знаю, что некоторые предметы, выставленные на аукционе, были отняты у... э... перемещенных лиц. – Очевидно, Антониу было неуютно от того, какой оборот принял разговор. – Кажется, его жена говорила что-то о том, что картины написал один из работников. Возможно, так оно и есть.

– Говоря о «работниках», что ты имел в виду? – спросил Жезуш, хотя ответ, похоже, уже был ему известен. – Пастух? Управляющий? Финансовый директор? Кто?

– ...Нет. Совсем другое.

Ага. Значит, grileiro. Один из наемников, к чьим услугам прибегают крупные корпорации, когда им нужно освободить землю, на которой они собираются заниматься сельским хозяйством, строиться или добывать сырье. Никакого надзора, никаких законов, просто люди, готовые взять в руки оружие и изгнать из джунглей коренные народы любыми средствами. Такие редко, удалившись на покой, начинают рисовать шедевры.

– Фелл... – Жезуш тщательно подобрал следующие слова. – Фелл знал о них? О расчистках?

– А я откуда знаю? – Антониу не скрывал своего стремления двигаться дальше. – Эти богатые козлы – кто может сказать, что им известно и что неизвестно. Но делалось все от его имени.

Жезуш затруднился бы выразить словами свои чувства. Определенно, за многими величайшими произведениями искусства тянулся кровавый след, но быть так близко к нему... несомненно, это вызывало дрожь, и неприятную.

– Мне нужно, чтобы ты его нашел – человека, который это нарисовал. Я должен поговорить с ним. – Жезуш уловил в своем голосе отчаяние, но решил не обращать на него внимания.

– Боюсь, это невозможно, – тихо промолвил Антониу. – Он умер. С год назад, если верить сыну владельца.

Жезуш не хотел задавать следующий вопрос, но все же выложил его:

– Как он умер?

– Пожар в доме. Случайное возгорание, но дома работников строятся без соблюдения каких-либо норм. Он погиб при пожаре.

Наступившая тишина была осязаемой на ощупь. Жезуш ощутил холодную дрожь, вспомнив свой сон.

* * *

Стук.

Было темно. Буквально крошечная темнота.

Тук-тук.

Он заснул? Нет, не заснул... Он просто...

Тук-тук-тук.

Порывисто вскочив, Жезуш опрокинул кресло на мягкий ковер кабинета. Пошарив в углу, он нашел выключатель торшера и залил комнату теплым светом. Этого просто не может быть; сейчас ведь утро. Сейчас еще утро, иного быть не может. Жезуш закончил разговор по телефону, заварил чай и начал набирать текст на компьютере. Но на улице было уже темно, и сквозь тонкую пелену дождя смутно проглядывал свет в окнах соседних домов. Чайник совершенно остыл, экран компьютера был чистый. Жезуш взглянул на часы. Десять вечера.

Он отошел от картины. «Держи себя в руках!» Картина хорошая, да, захватывающая, конечно. И она явно просачивалась в его сны последние несколько ночей, но это же нелепо. Жезуш поправил галстук – сегодня завязанный не таким изысканным узлом Бальтус – и твердо

и решительно прошел к двери кабинета, мимо полотна, которое продержало его в оцепенении на протяжении почти тринадцати часов. Как только Жезуш оказался в коридоре, у него внутри что-то щелкнуло, и он поспешно захлопнул за собой дверь, внезапно задыхаясь. Он остро почувствовал то, как сильно проголодался, как у него пересохло в горле.

Взяв стакан, Жезуш налил воды и выпил ее так быстро, что у него возмутился желудок. Снова наполнив стакан, он выпил уже медленнее, после чего опустился в ближайшее кресло, пытаясь разобраться в бешено мечущихся мыслях.

Что с ним случилось? В прошлом его уже очаровывали другие картины. Это совершенно естественно. Он часами смотрел на них, стоя так близко, что можно было прикоснуться рукой. Но ни одна из них не овладевала вот так его рассудком – только не из противоположного угла комнаты и не на такой длительный промежуток времени. Казалось, картина прибрала к своим рукам весь кабинет до такой степени, что Жезуш с трудом вспоминал, какие еще предметы хранятся там. *Что ей нужно?*

Жезуш строго одернул себя. Это какой-то абсурд. Многие клиенты рассказывали ему о своих суевериях, о странных взглядах на искусство и его истоки. Разумеется, он кивал, однако мысленно презрительно отмахивался от подобной чепухи. И эта его нынешняя одержимость – она лишь следствие того, кто он есть. У него слишком сильное чутье на искусство, и он ничего не может с этим поделать.

Но даже сейчас, думая о картине, Жезуш не мог не представлять ее линии, краски, то, как он отчаянно всматривался в скрытое за ними лицо, хотя образ этот, по мере того как он его изучал, становился все более неуловимым. Эта женщина всегда плакала?

Полотно таило в себе угрозу, это Жезуш сознавал, даже если все дело было в его одержимости. Возможно, будет лучше уничтожить картину. Но в то же время она была самым прекрасным творением из всего того, что ему когда-либо принадлежало, возможно, из всего того, что когда-либо принадлежало кому бы то ни было. Нужно просто заниматься работой в гостиной или спальне, а когда появится свободное время, можно будет заглянуть в кабинет и раствориться в причудливых линиях картины. На самом деле кабинет всегда был излишеством. И вот теперь он принадлежал картине. Она захватила кабинет, но там она и останется. Взаперти.

Жезуш снова покачал головой, поражаясь этим нелепым мыслям. Сегодня у него выдался странный день, и это вывело его из себя. Не говоря уж о том, что он просто умирает от голода. С трудом поднявшись на ноги, Жезуш позвонил консьержу, чтобы ему вызвали такси. Было уже поздно, однако благодаря своему имени он смог заказать свободный столик. Ноги его были ватными, и ему пришлось опираться на трость с такой силой, что в какой-то момент он испугался, как бы она не сломалась. Тем не менее Жезуш спустился в фойе, изо всех сил стараясь думать о ждущем впереди ужине, а не о том, что осталось позади.

* * *

Жезуш вернулся домой поздно. Он засиделся за кофе и ушел только тогда, когда метрдотель вежливо намекнул, что ресторан скоро закрывается. Приближаясь к входу, Жезуш едва передвигал ноги, тяжело опираясь на трость. Он не знал, что внушает ему больший ужас: искренняя вера в то, что картина как-то на него повлияла, или то, что какая-то его частица жаждала снова увидеть ее, потеряться в ее линиях. Жезуш презрительно скривил губы, отмахиваясь от таких мыслей. Чтобы он, Жезуш Кандиду, испугался какой-то там мазни! Сама мысль была смешной, абсурдной! Однако правда оставалась правдой. Он боялся того, что с ним делала картина, боялся своих сновидений, боялся скрывающейся на ней женщины. Жезуш собрал все свои силы, чтобы распрямить плечи и уверенной походкой войти в стеклянные двери Баньян-Корта.

У него мелькнула было мысль обратиться к консьержу, попросить его подняться вместе с ним к нему домой, чтобы снять картину и убрать ее туда, откуда ее можно будет отправить на хранение. Но за стойкой сидел лентяй, которого Жезуш терпеть не мог, и в настоящий момент он был поглощен спором с сердитым парнем в ярко-синей бейсболке. Постаравшись изо всех сил не обращать на них внимания, Жезуш по самой кромке обогнул спорящих, старающихся перекричать друг друга, и нырнул в лифт.

Только когда кабина пришла в движение, Жезуш обнаружил, что он в ней не один. Он был уверен, что никогда прежде не видел стоящего рядом с ним человека, хотя выглядел тот вполне реально. Это был мужчина, моложе Жезуша лет на десять, в костюме, который когда-то давно был сшит на заказ. Волосы у него были немытые, костюм протерся до дыр на локтях и коленях, а изящная ткань в мелкий рубчик покрылась темными пятнами. Под ногтями у незнакомца чернела грязь, словно он ползал на четвереньках по земле, а исходящий от него затхлый, терпкий запах вызвал бурный протест со стороны деликатного желудка Жезуша. Это жилец из другого крыла? Ему здесь не место, как только консьерж пропустил его? Но нет, костюм, несмотря на свое ужасное состояние, говорил о деньгах. Поймав на себе пристальный взгляд Жезуша, мужчина устало улыбнулся.

– Ну, как вам здесь? – спросил он.

Жезуш недоуменно склонил голову набок.

– Как вам жить здесь? – продолжал незнакомец. – Ваши ожидания сбылись?

– Да, – ответил Жезуш, стремясь поскорее закончить разговор. – Сбылись.

Неизвестный придвинулся к нему, и Жезушу потребовалась вся его выдержка, чтобы не поморщиться от его запаха. Мужчина перешел на заговорщический тон:

– Вы не видели ничего... странного? С тех пор, как поселились здесь?

– Нет, – ответил Жезуш.

Двери кабины открылись на пятом этаже, и мужчина в заляпанном костюме вышел, смотря себе под ноги. Жезуш выдохнул. Ну как такой человек может жить в этом здании? Определенно, у него произошла какая-то трагедия, и Жезуш мог бы проникнуться к нему сочувствием, но появляться на людях в таком виде... Его взгляд скользнул к зеркалу во всю стену кабины. Стоящий перед ним мужчина определенно был измучен, он опирался на трость, не предназначенную выдерживать такой вес. Узел галстука сбилсЯ набок, на манишке белой сорочки было отчетливо видно пятно от кофе, руки заметно тряслись. Кто он такой, этот человек в зеркале? Все последние дни Жезуш избегал своих знакомых, но если бы они увидели его сейчас, то посмеялись бы над ним, в этом он был уверен. Жезуш Кандиду превратился в сломленного, затравленного человека, боящегося своих собственных вещей и дурных снов.

Нет. Он этого не допустит. Его жизнь – самое значительное произведение искусства из того, что у него есть. Жезуш решительно настроился не быть заложником собственной паранойи и всего того, что пыталось завладеть его домом. Но когда он отпирал входную дверь, рука у него все-таки слегка дрожала. Дверь открылась без происшествий, и Жезуш уверенной походкой, насколько это было в его силах, прошел в спальню. Дверь в кабинет оставалась закрытой, и когда Жезуш наконец упал в постель, впервые за несколько дней ему ничего не приснилось.

* * *

В понедельник он проснулся поздно, в чем не было ничего необычного, хотя события предыдущего вечера определенно оставили свой след. Жезуш в полной мере прочувствовал это, когда с чугунной головой попробовал встать. Он дважды безуспешно пытался сварить себе кофе, прежде чем наконец вспомнил положить в кофеварку цветной пакетик. Выйдя на балкон и тяжело прислонившись к перилам, Жезуш пригубил горький напиток, глядя на раскинув-

шийся далеко внизу город, занятый своими повседневными заботами. Наконец, почувствовав себя хоть на каплю человеком, Жезуш поставил пустую чашку на стеклянный столик и медленно прошел в гостиную, чтобы поработать, изо всех сил стараясь не обращать внимания на силу притяжения, увлекающую его к двери кабинета.

Он много думал об этом, и первым делом в повестке дня стояло вызвать грузчиков, чьими услугами он обыкновенно пользовался. Разговор получился кратким и деловым, и, положив трубку, Жезуш почувствовал себя спокойным и расслабленным впервые с тех пор, как картина появилась у него дома. Завтра приедут грузчики и заберут ее, отвезут на хранение в компанию, с которой он работал уже много лет. Склад находится в нескольких милях от Баньян-Корта, и лично Жезуш там никогда не бывал, предпочитая использовать грузчиков для того, чтобы переправлять свои вещи в хранилище с определенным микроклиматом и возвращать обратно. Возможно, он как-нибудь навестит свою картину там, но это было дело отдаленного будущего. Пока что же он был удовлетворен тем, что картина будет далеко, очень далеко. Он ее перехитрил. Одержал верх. И его дом снова будет принадлежать ему.

Все утро Жезуш звонил по телефону, отправлял сообщения по электронной почте, договаривался о том, чтобы посмотреть картины, которые ему было поручено купить. Настроение его заметно улучшилось, и он задумался о том, где пообедать. Жезуш улыбнулся при мысли о том, что опять выйдет в свет: безукоризненно одетый, готовый снова стать Жезушем Кандиду. Размышляя над тем, какой костюм выбрать для этого торжественного выхода, он направился в ванную, чтобы освежиться. И поймал себя на том, что как-то само собой свернул к двери в кабинет.

Ему показалось, у него остановилось сердце, когда он помимо воли повернул ручку и шагнул внутрь. Жезуш повернулся к картине, отчаянно желая позвать на помощь кого-нибудь, все равно кого, прежде чем калейдоскоп красок и узоров ударит ему в глаза и сознание погрузится в расслабленное созерцание лица, скрытого внутри.

* * *

Было уже четыре часа утра среды, когда дверь в кабинет наконец отворилась и через порог переползла трясушаяся фигура с налитыми кровью глазами. У Жезуша больше не было сил держаться на ногах, поэтому он протащился по роскошному ковру, оставляя за собой след из примятого ворса. Картина не одержит над ним победу. Прекрасная она или нет, Жезуш Кандиду не допустит, чтобы его уничтожил кусок холста с нанесенными красками. Он не уступит свой дом этой мазне, и раз ее не может сдержать дверь, придется найти какой-нибудь другой способ. Мучительно медленно Жезуш добрался до плюшевой оттоманки и схватил лежащий на подушке телефон. Заряда аккумулятора хватило, чтобы увидеть девятнадцать пропущенных вызовов, осторожное сообщение от Дезмонда, встревоженного его отсутствием на «Стуке» накануне, и еще одно сообщение от службы доставки, заявившей, что не был получен ответ на то, когда должны явиться за картиной грузчики. Жезуш попытался позвонить и вызвать помощь, однако у него слишком сильно тряслись руки. Четыре процента заряда аккумулятора превратились в ноль процентов, и экран погас. Жезуш скривил рот в гримасе. С этой проблемой ему придется разбираться самому.

Собрав остатки сил, Жезуш поднялся на ноги и побрел на кухню, по пути захватив с вешалки трость, чтобы обрести дополнительную опору. И все-таки ослабшие ноги подогнулись, и он с размаху упал на вазу работы Грейсона Перри¹⁰, которая упала со стола на пол и вдребезги разбилась. Не обращая на это внимания, Жезуш встал, опираясь на стол, и потянулся к подставке для ножей. Он выбрал дорогой и почти не используемый нож, острый как бритва.

¹⁰ Грейсон Перри (род. 1960) – английский художник, в основном известен своими керамическими изделиями.

Улыбаясь, Жезуш сполз на пол. Тяжелое лезвие оттягивало руку. Отрезав рукав рубашки, он замотал себе глаза. Убедившись в том, что даже в этот ранний час какой-то свет все-таки пробивается сквозь ткань, Жезуш отрезал и второй рукав и повязал его поверх первого. Вот теперь он уже больше ничего не видел.

Жезуш лежал на полу, собираясь с силами, и вдруг услышал звук, в полной темноте, казалось, прозвучавший у него над самым ухом.

Тук-тук.

Такой же негромкий, как всегда, но такой же настойчивый. Что-то хотело проникнуть в дом, отобрать его. Но Жезуш не собирался этого допустить. Он снова поднялся на ноги, сжимая в одной руке нож, другой опираясь на трость, и медленно направился к кабинету.

Жезуш частенько мерил свою квартиру шагами. Для него было очень важно оценивать ракурсы и возможные точки для наблюдения своих экспонатов. От входной двери до кабинета шестнадцать шагов. От ванной до гостиной двадцать три шага. От стола на кухне до кабинета всегда было девятнадцать шагов, но сейчас Жезушу, пробирающемуся вслепую по обширным пространствам своей квартиры, стараясь не наступить на осколки разбитой вазы, показалось, что это расстояние стало гораздо больше.

Десять шагов. В обладающей великолепной звукоизоляцией квартире царила полная тишина; теперь до Жезуша не доходил даже отдаленный гул улицы далеко внизу. И только одно:

Тук-тук.

Девятнадцать шагов. В настоящий момент Жезуш видел перед собой лишь непроницаемый мрак. Двадцать шагов. Он слышал лишь свое собственное дыхание. Двадцать три шага. И стук.

Наконец на двадцать шестом шаге Жезуш ощутил, как его плечо скользнуло по косяку двери кабинета. Он постарался сосредоточиться. Его рука крепко сжимала обрезиненную рукоятку ножа, придающего ему силы, увлекающего вперед; в другой руке была серебряная головка трости, холодная и надежная. Стук стал громче. Теперь, когда глаза у него были завязаны, звук стал отчетливым. Жезуш наконец понял, что стук никогда не доносился от входной двери.

Дыхание его стало ровным, сменившись гулким стуком крови в висках. Лицо стало влажным. Он где-то порезался? Нет, должно быть, это слезы. Стиснув зубы, Жезуш повернулся к стене, на которой должна была висеть картина. Где-то в глубине его сознания раздался голос, призывающий его сорвать повязку с глаз и еще раз взглянуть на жуткое, прекрасное лицо, но он удержался.

Тук-тук.

От двери кабинета до картины было десять шагов. Насчитав двенадцать, Жезуш остановился. Он должен был находиться прямо перед картиной. Переложив нож в левую руку, он выронил трость, с грохотом упавшую на пол, и вытянул правую руку вперед, шаря вслепую. Где-то там, в темноте, его пальцы нащупали холст и рельефные мазки краски, гордо покрывающие его поверхность. Ему захотелось погладить их, ощутить их текстуру и безоговорочно последовать за ними туда, куда они ведут.

Тук-тук.

Жезуш шагнул вперед. Стук звучал внутри его черепной коробки.

ТУК-ТУК.

Ощувив прилив адреналина, Жезуш одним движением распорол холст от одного угла до другого. Натянутая ткань лопнула, рассеченные края разошлись в стороны, издав необъяснимо громкий хлопок, похожий на вспышку пламени или сжатый крик.

И тотчас же наступила тишина.

Ощувив внезапное облегчение, блаженное умиротворение, Жезуш упал на колени. Выронив нож, он заплакал, но это были уже слезы не страха, а радости. Он поднял отяжелевшую, усталую руку, чтобы снять с глаз повязку.

Его опередила другая рука. Протянувшаяся изнутри разорванного, окровавленного холста. Она сорвала с Жезуша повязку, и он закричал, но у него уже не было сил бежать от других рук, тянущихся к нему. Эти руки схватили его за горло и руки, увлекая к себе.

Тук-тук.

Дверь в 30-ю квартиру Баньян-Корта оставалась закрытой.

Тук-тук.

Если бы она открылась, Жезуша Кандиду, стоявшего за ней, узнали бы только самые близкие знакомые. Его рубашка без рукавов была разорвана, глаза покраснели от слез, и от него исходил слабый запах крови и паленых волос, хотя внешне на нем не было видно никаких ран и повреждений. Осторожно постучав в дверь своей собственной квартиры, он пробормотал бы что-то о своем доме, о том, что его у него отняли, и о тех вещах, которые он видел. Однако слов его не разобрал бы даже тот, кто в совершенстве владел португальским языком.

Жезуш сжимал что-то в руке, хотя он сам не смог бы объяснить, как это у него оказалось. Пригласительная открытка на плотной бумаге, напечатанная красивым шрифтом:

*ТОБИАС ФЕЛЛ любезно приглашает
ЖЕЗУША КАНДИДУ
присутствовать на званом вечере по адресу
Баньян-Корт, 1, вечером 16 августа 2014 года.
Доступ в пентхаус будет обеспечен
посредством грузового лифта*

Если бы у Жезуша спросили, собирается ли он принять приглашение, он кивнул бы и наморщил лоб, смутно припоминая, что открытку вручил ему какой-то парень в линиялой футболке. После чего добавил бы: это будет вечер искусства, от которого захватывает дух.

Третий. Умник

**Картер Дуайт.
Баньян-Корт, 42**

– Донна, составьте сообщение в «Твиттер». – Поставленный голос Картера Дуайта прозвучал отчетливо и разборчиво, и, хотя в просторной квартире он находился один, его слова не отозвались эхом.

– Есть, составляю, – донесся из спрятанного громкоговорителя размеренный женский голос.

– Третья фотография из папки «Тренажерный зал». Подпись... «Здоровье не раздается бесплатно, его нужно заработать». Хэштег «Доджи», хэштег «без труда не выловишь рыбку из пруда». Отправляйте в «Твиттер».

– Есть, отправлено.

По крайней мере на сегодня работа по связям с общественностью была закончена. Открыв холодильник, Картер достал бутылку пива и нахмурился.

– Донна, проверьте температуру левой дверцы холодильника.

Последовала небольшая пауза.

– Левая дверца холодильника настроена на плюс семь градусов по Цельсию. В настоящий момент температура равна плюс семь градусов по Цельсию.

Картер тихо выругался. Оптимальная температура для охлаждения светлого пива, которое он хранил в левой дверце холодильника, шесть градусов по Цельсию. Он вздохнул.

– Донна, настройте левую дверцу холодильника на шесть градусов по Цельсию.

– Мистер Ду-айт... – Ровный синтезированный голос Донны запнулся на его фамилии, которую Картеру пришлось программировать вручную. – Обыкновенно вы пьете пиво, охлажденное до семи градусов. Вы хотите, чтобы я перенастроила текущие установки?

Ну вот, опять. Проблемы с тем, чтобы сохранять введенные установки, начались у Донны из-за последнего обновления программного обеспечения. Вероятно, решение разрешить ей автоматически подстраивать параметры «умного дома» было ошибочным, однако мысль устанавливать все настройки вручную шла вразрез с принципом цифрового помощника. Хотя у Донны действительно имелись кое-какие проблемы с тем, чтобы различать стандартный вариант и предпочтения.

– Донна, отмените установку по умолчанию и настройте левую дверцу холодильника на шесть градусов.

– Есть, уже сделано. Текущая настройка левой дверцы – шесть градусов, правой дверцы – четыре градуса, верхней части внутреннего отделения – один градус, нижней части внутреннего отделения – два градуса, ящиков – ноль градусов.

– Спасибо, – раздраженно буркнул Картер.

Это короткое слово исчезло практически сразу же, как только было произнесено. Картер провел тщательные исследования, и скучная мебель и обстановка была расставлена именно так, чтобы добиться идеальной акустики. Нулевое эхо.

Отпив еще глоток, Картер усмехнулся при мысли о том, какую такую его цифровую версию создала в своих настройках Донна, что эта версия любила теплое пиво и будильник, поставленный на шесть утра. К счастью, теперь-то уж сохранится правильная версия.

Усевшись перед огромным телевизором, доминирующим в углу просторного кабинета, Картер проверил электронную почту. Семнадцать непрочитанных сообщений, все по работе. Вот и хорошо, личная переписка требует значительно больше времени. Быстро просмотрев

их, Картер пришел к выводу, что среди них нет ничего такого, что требовало бы его личного участия.

– Донна, ответьте на сообщения с первого по семнадцатое.

– Есть, составляю ответы.

Картер удовлетворенно кивнул; на протяжении долгих семнадцати лет ему пришлось отправлять по сто сообщений в день. В то время это было адской работой, но зато сейчас у Донны в распоряжении имелась громадная кладовая исходных данных для алгоритма автоматического составления ответов, разработанного им для нее.

– Все ответы составлены, мистер Дуайт. Не желаете просмотреть их?

– Нет, просто отправьте их. – Он достаточно времени проверял и перепроверял эту функцию.

– Есть. – Кратчайшая пауза. – Ответы отправлены.

Картер удовлетворенно откинулся назад. Эх, если бы можно было научить Донну вот так же выступать на совещаниях!

– Донна, назовите объемы загрузок «Доджи» за последние сутки.

– Есть, объемы загрузок приложения «Доджи» за последние двадцать четыре часа: операционная система «Андроид» – 51 000 загрузок, операционная система iOS – 64 000 загрузок, остальные платформы – 10 000 загрузок.

Кожаное кресло закрипело под весом Картера. Отлично. Он понимал, что вообще-то следовало бы проверить котировку акций и показатели производительности, но ему никогда не было до этого дела. Его интересовало только то, сколько человек пользуется этим приложением. Сколько человек благодаря ему лучше справляются с работой, лучше едят. Сколько людей он улучшил жизнь с помощью новых технологий и данных. И, разумеется, глядя в огромное окно на раскинувшийся вокруг Лондон, Картер не отрицал, что и его собственная жизнь также стала лучше. А после того как на рынок выкатится Донна, у людей появится еще один помощник, работающий над их совершенствованием.

– Донна, проверьте расписание дел на сегодня.

Пауза.

– Мистер Дуайт, на сегодняшний день у вас не назначено никаких дел.

– Донна, проверьте расписание дел на завтра.

Еще одна пауза.

– Три часа, – спокойным тоном произнесла Донна, – встреча с Гленном в тренажерном зале.

Бутылка пива замерла на полпути ко рту.

– Донна, когда именно я назначил эту встречу?

– На этот месяц вы указали цели «здоровье» и «общение», мистер Дуайт. Занятия в тренажерном зале были автоматически назначены по понедельникам, четвергам и субботам и привязаны к тем из ваших контактов, кто помечен как «тренажерный зал».

Замечательно. Должно быть, еще одна установка по умолчанию. Картер начисто забыл, что назначил такие приоритеты на этот месяц. На самом деле он предпочел бы перед совещанием расслабиться, но если сейчас начать отменять встречу с Гленном, конца этому не будет. Похоже, Донне успешно удалось заставить его позаниматься спортом. Ее тезка была бы довольна.

– Ох уж эти женщины! – проворчал себе под нос Картер. Он оглянулся по сторонам, произвольно ища, с кем поделиться шуткой, однако в квартире он был один. Картер вздохнул. Что-то тут все-таки было не так. Может, он проголодался?

Вернувшись к холодильнику, Картер достал пакет с одной порцией полуфабриката и направился к прецизионной мультиварке в углу. Включив мультиварку, он распорядился изве-

стить его, когда ужин будет готов, и вернулся к телевизору, по пути перешагнув через негромко гудящий автоматический пылесос, медленно продвигающийся по полу. Нет, это был не голод.

– Донна, включите свет на сорок процентов и поставьте музыку, медитация, сборник номер четыре.

Картер достал из ящика под лестницей спортивный коврик. Раз он не может понять, что с ним не так, можно по крайней мере попробовать хорошенько расслабиться. Из спрятанных динамиков понеслась однообразная ненавязчивая музыка, и Картер начал выполнять привычные упражнения йоги. Он вытягивал, сгибал, расслаблял конечности, движения были размеренными и четкими, музыка проникала внутрь, постепенно освобождая рассудок от забот и ввергая его в состояние, близкое к трансу. Но все-таки было что-то еще, смутное чувство, глубокая печаль...

– Донна, остановите воспроизведение. Что это была за музыка?

– Есть. Это была песня «Меланхоличный человек» группы «Печальный блюз».

Неудивительно, что у него испортилось настроение.

– Донна, удалите ее из списка воспроизведения.

– Есть, песня удалена из сборника номер четыре.

Картер нахмурился. Начнем с того, что он «Меланхоличного человека» никуда не добавлял. Определенно нужно будет проверить установки Донны. Картер угрюмо съел ужин, ухитрившись разлить теплое пиво по всему полу кухни. Он выругался вполголоса.

– Донна, пригласите Амину завтра на три часа дня.

Полом займется уборщица.

– Есть, Амина приглашена завтра на три часа.

Проворчав что-то нечленораздельное, Картер встал. Похоже, сегодня ему придется лечь спать пораньше. Даже если не брать в расчет «тараканов» Донны, что-то его беспокоило.

– Донна, почему у меня такое настроение? – спросил он, и у него на губах мелькнула печальная улыбка.

– Прошу прощения, – ответила Донна, – я вас не понимаю.

– Да, – вздохнул Картер, – думаю, не понимаешь.

* * *

Амина пришла к нему домой в три часа тридцать две минуты, когда Картер вовсю занимался в тренажерном зале. Они с Гленном повадились разминаться вдвоем, еще когда вместе работали, и Гленн оставался одним из немногих его друзей, с кем он не был связан по работе. Они как раз качали пресс, когда у Картера зазвонил телефон, предупреждая о том, что кто-то стучит в дверь. Донна говорила, что Амина должна была прийти в три часа, и он подумал, что это – очередной сбой в программном обеспечении его помощницы, или же уборщица просто опоздала.

Оторвавшись от тренажера, Картер несколько раз ткнул в экран телефона, пока наконец на нем не появилось грубоватое лицо Амины, стоящей перед камерой домофона. Он нажал другую кнопку, удаленно отпирая дверь, и уборщица, захватив свои принадлежности, вошла в квартиру, скрывшись из вида. Картер закрыл телефон.

– Знаешь, тебе нужна нормальная прислуга, – заметил Гленн, добавляя по пятикилограммовому «блину» с обоих концов штанги.

Гленн Хурана относился к тренажерному залу серьезно, что было видно как по его фигуре, так и по дорогому спортивному костюму. Даже от легких упражнений его смуглая кожа покрывалась тонкой пленкой пота, а каждый вес, который брал Картер, Гленн хоть чуточку да увеличивал. Друзья сходились в том, что оба сожалели об отсутствии в спортивном центре Баньян-Корта «бегущей лестницы», тренажера, на котором Гленн мог буквально порвать Кар-

тера, поэтому им приходилось чередовать этот зал с навороченным «центром здоровья» неподалеку от таунхауса Гленна.

– Никакая «нормальная» прислуга мне не нужна, – пожал плечами Картер. – Я сам справляюсь почти со всем. Просто на что-то у меня не хватает времени.

– И ты не можешь запрограммировать робота, чтобы он делал это за тебя.

– Пока что не могу.

Картер усмехнулся, увидев, как его друг борется со слишком тяжелой штангой. Он не имел ничего против того, что Гленн стремился превзойти его во всем, но все-таки испытывал определенное удовлетворение, когда эти потуги выходили его другу боком.

Гленн закончил упражнения. Чрезмерное напряжение на время лишило его дара речи, не позволив ему ответить. У Картера снова зазвонил телефон, на этот раз сообщая о том, что данные по тренировке успешно загружены. Еще одно преимущество занятий в зале Баньян-Корта.

– Я просто хотел сказать, что твоей уборщице не позавидуешь. Если бы ты нанял ее как полагается, она приходила бы каждый день в строго определенные часы, и ее не нужно было вызывать через это *приложение*, как там оно называется?

– Слишком хлопотно. И мне не нужно, чтобы она приходила каждый день – всего раз или два в неделю.

– Значит, все остальное время она должна ждать твоего звонка?

– Ну, думаю, в остальное время у нее есть другая работа. – В голос Картера постепенно просачивалось раздражение, как бывало всегда, когда Гленн начинал учить его уму-разуму. – В любом случае, если время уборщицы не расписано надлежащим образом, это, по-моему, говорит о проблемах с приложением «Срочная работа», а тут я уже ничего не могу поделать, кроме, разве что, выкупить его. – Он помолчал. – Как ты думаешь, выкупить мне его?

Рассмеявшись, Гленн направился к велотренажерам. Картер последовал за ним.

– Я серьезно, – продолжал он. – Уверен, эта база данных значительно расширит возможности «Доджи».

– Как скажешь, – рассеянно промолвил Гленн, уже полностью переключившийся на тренажер. – Я знаю, что ты просто обожаешь всякие базы данных.

Фыркнув, Картер указал на монитор велотренажера Гленна.

– Ты всегда сам задаешь дистанцию. Расход калорий. Какая тут разница? Данные – это не демоны, жаждущие наброситься на тебя. По крайней мере, если действовать осторожно.

– Ну да, но только никогда не говори это своему соседу сверху.

Картеру потребовалось какое-то мгновение, чтобы сообразить, кого имеет в виду его друг.

– Это так и не было доказано. – Внезапно ему показалось, что педали его тренажера стали чересчур упругими, отказываясь крутиться. Но тотчас же они снова завращались как ни в чем не бывало. Неужели здесь ничего не работает исправно?

– Дело так и не дошло до суда. – Определенно, Гленн почувствовал, что задел за больной нерв. – Это не одно и то же. Я просто хочу сказать, что, возможно, твой приятель Тобиас не относится к этому с должным уважением.

– Он мне не... – возмутился Картер. – Да я даже не знаком с этим человеком!

Следующие два километра они проехали молча. Затем Картер снова заговорил:

– Ты правда считаешь, что торговать данными так плохо?

– Не знаю, дружище, – пожал плечами напарник по тренировкам. – Это не моя епархия. Я просто счетовод. Это гораздо проще.

Гленн отнесется крайне отрицательно к новому направлению, которое выбрал для своей компании Картер, это точно. В подсознании что-то засвербело. Чувство вины? Что бы это ни было, Картер надавил на педали, выбросив все из головы.

Телефон снова пискнул. Амина ушла. Она улыбалась, что было чем-то новым, и... Картер всмотрелся в изображение. Ему показалось, всего на какое-то мгновение, что из квартиры высунулась рука, захлопнувшая входную дверь. Но нет, это просто причуды цифровой камеры. Нужно будет заменить ее на новую, с большим разрешением. Картер не стал закрывать видеоканал с домофона и проследил, как Амина прошла к лифту.

* * *

– Извините, что это такое?

– Ваш заказ, – пожал плечами курьер.

Картер порылся в коробке с бакалеей.

– Извините, вы полагаете, я заказал три коробки зеленого чая? И... – Он потряс пакетом с овсяными хлопьями так, словно это было вещественное доказательство какого-то страшного преступления. – И два кило вот этого?

Засунув руку за пазуху куртки, стоящий в дверях парень достал выдавший виды планшет в резиновом чехле. Картер на мгновение подивился тому, какими дремучими технологиями приходится пользоваться этим людям, но затем до него дошло, что было на экране. Он прочитал список, не в силах поверить своим глазам.

– Тут какая-то ошибка...

– Вы это не заказывали?

Увидев фамилию, Картер замялся. Сам он действительно этого не заказывал, но, судя по всему, от его имени это сделала Донна. Она должна была следить за тем, что он расходует, и соответствующим образом пополнять запасы. Очевидно, в этот раз Донна решила симпровизировать.

– Я... хорошо. Все в порядке. Оставьте.

Планшет исчез за пазухой куртки под равнодушный кивок, и бакалея была быстро выгружена. К тому времени как за курьером закрылась дверь, Картер уже кипел от злости.

– Донна, – рявкнул он, – это еще что такое?

– Извините, мистер Дуайт, я не понимаю.

– Донна... – Картер медленно выдохнул, стараясь правильно сформулировать следующий вопрос. – Каковы параметры списка продуктов, какие нужно закупить на эту неделю?

– Сообщение в «Твиттере» от пользователя «собака»-директор» Доджи» от восьмого августа, время 18.04: «Чувствую себя выжатым в гонке к Самосовершенствованию. Пора очистить организм!» Хэштег «Доджи», хэштег «очищение организма», хэштег «в здоровом теле здоровый дух».

Оглушенный Картер застыл.

– Ты составила список покупок по моему твиту?

– Заказ был автоматически составлен на основании статьи про очищение организма, ссылка на которую имела в этом сообщении.

– Но я же имел в виду совершенно другое! – Картер осознал абсурдность того, что он кричит на Донну, еще до того, как та ответила.

– Извините, мистер Дуайт, я не понимаю.

Картер шумно выдохнул. Помогая создавать голос Донны, он отталкивался от живых женских голосов, – в конце концов, на эту тему было много лекций и семинаров. Однако в настоящий момент он сожалел о том, что сделал его таким бодрым и веселым. Сейчас от этого голоса у него свело зубы.

– Донна, удалите текущий список закупок.

Чувство собственного достоинства удержало его от того, чтобы вступить в спор с компьютером относительно важности соблюдения имиджа и продвижения торговой марки, язвы

тельно поинтересовавшись о том, действительно ли из его твита следовало, что он собирается целую неделю давиться артишоками и замороженными овощными смесями.

– Есть, список удален.

– Хорошо.

Картер во всем любил определенное постоянство. Работа отнимала у него очень много времени, и чем меньше энергии ему приходилось расходовать на то, чтобы выбрать, какие блюда есть и какую одежду носить, тем более производительнее он мог трудиться. К тому же нельзя было сказать, что питается он уж совсем отвратительно. Картер поддерживал себя в форме и, уж конечно, не нуждался в ошибке программирования, чтобы включить в свой рацион больше зелени. Значит, придется досконально проверить исходный код Донны? Проверить, есть ли какие-либо ошибки в последнем обновлении? Если Донну собираются включить в «Самосовершенствование», следующую версию «Доджи», такое нельзя допустить ни в коем случае. Нужно будет поднять этот вопрос на ближайшем совещании.

– Я полагала, мистер Дуайт, что вы хотите подать пример.

Разве он программировал Донну говорить подобное?

* * *

Картера разбудил звонок в дверь. Он застонал, на мгновение сбившись с толку этим звуком, но затем спохватился и потянулся за лежащим на ночном столике телефоном. Камера домофона показала стоящего перед дверью усталого мужчину в костюме, тычущего в экран планшета. Для деловой встречи костюм был недостаточно презентабельным, сотрудник технического отдела, наверное, обошелся бы вообще без костюма, и Картер не смог предположить навскидку, кому еще он мог понадобиться так срочно. Нежданный посетитель нажал кнопку домофона.

– Здравствуйте! Я Дэвид Эриксон из «Пост». Кажется, мы условились насчет интервью? Это про запуск обновленной версии.

Тут было что-то не так. Когда Картер в последний раз виделся со своим пресс-секретарем Моякаэлой, та упомянула про какое-то интервью: нужно было поговорить о благотворительности и рассказать о тех, кому «Доджи» успешно помогло выявить различные проблемы со здоровьем, разобраться с гипертонией и так далее. Но она не говорила, что интервью состоится у него дома, причем так рано, а в перечне дел, представленном Донной на сегодня, его определенно не было. Еще одна ошибка? Картер увидел, что его будущий интервьюер поднес к объективу камеры журналистское удостоверение. С виду оно показалось ему настоящим.

– Одну минуточку!

Закрыв телефон, Картер задумался. Какого рода интервью может быть в шесть часов утра? Его осенила догадка.

– Донна, время?

– Текущее время восемь часов сорок одна минута утра.

Значит, вот в чем дело. Проблема в будильнике. Быстро выскочив из кровати, Картер начал одеваться.

– Донна, свяжись с Моякаэлой.

– Извините, мистер Дуайт, я не понимаю.

– С Моякаэлой, моим пресс-секретарем. Свяжитесь с Моякаэлой.

– Контактная информация на вашу Каэлу отсутствует.

Картер выругался про себя. У него не было времени на это. Моякаэле он позвонит потом. Если он заставит ждать журналиста слишком долго, это станет плохим началом для интервью, а поскольку выход на рынок «Самосовершенствования» не за горами, с прессой отношения лучше не портить.

Схватив первый повернувшийся под руку галстук, Картер поспешил к двери.

* * *

– Ну и каково вам жить в тени Тобиаса Фелла?

Картер внутренне ошетинился. Он находился в невыгодном положении с самого начала, остро сознавал, что оделся в спешке и не успел принять душ и побриться, не то что позавтракать. К тому же этот журналист, «Дэвид», до сих пор ни словом не упомянул ни об одной обговоренной заранее теме и, похоже, смутно разбирался в текущей версии приложения, уже не упоминая обновление. И он вот уже в пятый раз заводил разговор о Тобиасе Фелле.

– Извините, я не совсем понимаю ваш вопрос.

– Я хочу сказать, он же живет прямо над вами. – Дэвид уже какое-то время не делал никаких заметок в блокноте. – Такая значительная фигура в мире бизнеса, не говоря о том, что он крупнейший инвестор вашей компании. Не сомневаюсь, это не могло остаться полностью вне поля вашего зрения. Вы ведь что-то думаете на этот счет?

– На самом деле ничего, – ответил Картер, пытаясь вернуть разговор в нужное русло. – Как я уже говорил, предыдущая версия «Доджи» для наблюдения за здоровьем и физическим состоянием человека использовала исключительно биометрические данные его телефона, но мне возможности этих инструментов всегда казались очень ограниченными.

– Но все-таки это большой объем данных, ведь так?

Картер попытался изобразить улыбку, специально отточенную для общения с прессой.

– Почему-то все так боятся этого слова. Данные. Но лично я всегда придерживался того мнения, что, когда речь идет о здоровье человека, информации не может быть слишком много. Вот почему обновленная версия, благодаря совершенно новому универсальному интерфейсу, сможет бесконтактно взаимодействовать с широким кругом диагностической аппаратуры, имеющейся дома.

– Понятно, – кивнул Дэвид. – А корпорация «Вита-Бел» будет производить или продавать это оборудование?

– Нет. – Картер несколько успокоился, почувствовав под ногами знакомую почву. – «Вита-Бел» не располагает мощностями для массового производства, но мы взаимодействуем с «Омрон», «Медтроник» и другими компаниями, которые разрабатывают свои собственные устройства, совместимые с «Доджи». Давление, пульс, содержание сахара в крови, беременность – обновленной программе будет доступно всё.

Картер расслабился. Он знал, в каком направлении пойдет дальше интервью. Сначала немного технических характеристик, затем ерунда личного характера. Вероятно, речь пойдет о том, как он поддерживает себя в форме или каково возглавлять такую крупную корпорацию, когда тебе нет еще и сорока. Возможно, его спросят о музыкальных предпочтениях. Картер всегда отвечал, что любит тяжелый рок – это неизменно заставляло журналистов врасплох, что доставляло ему удовольствие.

– Понятно, – равнодушно повторил Дэвид. – И эти данные также будут продаваться страховым компаниям?

У Картера отвисла челюсть. Ему пришлось взять паузу.

– Что вы имеете в виду под «также»?

– Ну, источник в вашей компании сообщил мне, что данные от «Доджи» распределялись по...

– И что же это за «источник»? – перебил его Картер.

– Боюсь, я не смогу его назвать. Документы были присланы анонимно.

– Послушайте, извините, не знаю, кто ваш редактор...

– Уверен, вам известны слухи о незаконной продаже конфиденциальной информации о клиентах компаний Тобиаса Фелла? Было ли причастно к этому «Доджи»?

– Во-первых, Дэвид, это было несколько лет назад, когда «Доджи» еще находился в стадии разработки, о чем вам должно было быть известно, если бы вы перед интервью хотя бы кратко ознакомились с темой!

– Прошу прощения, мистер Дуайт, если я вас...

– Я никогда даже не встречался с Тобиасом Феллом. Вопросы финансирования решал мой предшественник, скончавшийся в прошлом году, поэтому я нахожу ваши вопросы свидетельством дурного вкуса.

Картер заводился все больше и больше, и, судя по выражению лица журналиста, тот понял, что зашел слишком далеко.

– А предположение, будто я и моя компания так грубо нарушают этические нормы обращения с нашими данными, является не только недостоверным, но и просто оскорбительным. Мы продаем данные легально, в рамках закона, и мне больше нечего сказать по этому вопросу. А теперь прошу меня извинить, я должен позвонить своему пресс-секретарю.

– Да, хорошо, наверное, нам будет лучше закончить. – Дэвид вскочил с места с отточенной легкостью человека, привыкшего испытывать терпение гостеприимного хозяина. – Кажется, я уже получил ответы на все вопросы, мистер Дуайт. Благодарю за то, что уделите мне время.

Журналист не то чтобы бросился к входной двери бегом, но расстояние это он преодолел очень быстро и захлопнул ее за собой еще до того, как Картер успел набрать номер Мойжаэлы. Неудивительно, она не слышала ни о каком интервью, и администрация Баньян-Корта понятия не имела о появлении журналиста, хотя, разумеется, там знали, кто это такой. Похоже, он не впервые провернул подобный трюк. Картер начал было искать контактную информацию редакции газеты, но затем решил, что он слишком устал.

– Донна, сегодня больше никаких посетителей. И никаких звонков.

– Есть, мистер Дуайт.

В ее голосе прозвучало чуть ли не торжество. Нужно будет поговорить с программистами, пусть сделают ее не такой жизнерадостной. Определенно, голос Донны звучал как-то не так.

* * *

– Все в порядке, мистер Дуайт?

Картер вздрогнул, услышав свою фамилию, произнесенную таким ровным, заботливым голосом, но Нил уже отвернулся, собирая в папку документы и распечатки.

– Да, спасибо, – солгал Картер, терпеливо дожидаясь, когда его помощник закончит. Ему не нравилось бывать в своем кабинете, и на этой неделе ему удавалось избегать этого, но тут вдруг кабинет показался ему бесконечно предпочтительнее его безмолвной квартиры.

Пока Нил готовил кофе, Картер пролистал цифровой список неотложных дел. Список оказался гораздо короче, чем он ожидал в преддверии подготовки к завтрашнему совещанию. Если честно, список был невозможно короткий. Ни одного входящего сообщения, что, конечно, нельзя было считать невозможным, поскольку Донна отслеживала его корреспонденцию и автоматически отвечала на большинство писем, но все-таки это было необычно.

Картер прокрутил историю. По экрану пробежали десятки задач, все они были помечены как выполненные, но это была неправда. Он не писал эти технические задания, и уж определенно он не отвечал на эти сообщения и не утверждал релизы компании. Войдя в электронную почту, Картер открыл папку отправленных сообщений.

Они были там. Сотни сообщений, якобы составленных им, отвечающих на запросы, намечающих стратегию развития, обеспечивающих руководство компанией. Картер не давал Донне

разрешения отправлять эти сообщения – всей внутренней перепиской занимался он лично. Он начал быстро просматривать отправленные сообщения, чувствуя нарастающую тревогу. Хорошо хоть ни в одном из них не было распоряжений, торпедирующих деятельность компании. Напротив, в некоторых искусственно созданных сообщениях содержались весьма дельные предложения. Если судить по этим алгоритмически сгенерированным ответам, получалось, что он чертовски хороший глава компании. Как оказалось, ему даже удалось переманить Марка Терри с его уютной должности исполнительного директора в «Энгл-груп», чего Картер безуспешно добивался больше года.

И все-таки дальше так продолжаться не может. Необходимо отключить эти функции до тех пор, пока он не выяснит, каким образом Донна отправляет сообщения без его подтверждения. Картер поморщился при мысли о том, что ему придется отвечать на электронную почту вручную. Сейчас не время для этого. Определенно, только не сегодня.

– Нил, – окликнул Картер помощника, ставившего на поднос четыре чашки кофе.

– Да, мистер Дуайт?

– Я где-то день-два не буду проверять электронную почту. Будь добр, проследи завтра за моей входящей корреспонденцией и предупредил меня, если будет что-нибудь важное.

– Э... извините, – сказал Нил, ставя чашку на стол. – Но меня завтра не будет, помните?

Картер не помнил. Он ни за что не одобрил бы отгул в такой напряженный момент.

– О чем ты говоришь? Завтра же заседание совета директоров!

– Знаю. Опять же огромное спасибо. – Нил признательно улыбнулся. – Для папы это очень много значит.

У Картера в груди все оборвалось. Должно быть, Нил отправил свою просьбу по электронной почте.

– Вы ведь не возражаете, да? – У Нила на лице мелькнула тревога.

– Нет, – наконец сказал Картер. – Все в порядке.

– Замечательно, – облегченно вздохнул помощник. – Я имею в виду, как вы сказали вчера: семья – это самое главное.

К тому времени как Картер осмыслил сказанное Нилом, тот уже вышел.

* * *

Картер резко проснулся. В комнате стояла тишина. Подождите, почему тишина? Будильник не сработал. Снова.

– Донна, сколько сейчас времени? – с екнувшим сердцем окликнул Картер.

Он даже не прибежал к ее помощи, чтобы установить время, делая это вручную. Неужели будильник управляется по «вай-фай»? Ну разумеется, как и вся квартира.

– Текущее время девять часов сорок две минуты утра, – ответил цифровой голос, как всегда жизнерадостно.

Вскочив с кровати, Картер принялся лихорадочно шарить по гардеробу. Не могло быть и речи о том, чтобы он успел в офис к началу совещания по запуску проекта «Донна». Оно должно было начаться двенадцать минут назад.

– Донна, через одну минуту установите видеотрансляцию между главным экраном и Залом совещаний номер два, – пробормотал Картер, торопливо застегивая рубашку и нацепив первый попавшийся под руку галстук.

– Есть, видеотрансляция конференции установлена.

Накинув на плечи пиджак, Картер вошел в гостиную как раз в тот момент, когда на телевизионном экране появилось изображение двенадцати человек в костюмах, сидящих вокруг гладкого стеклянного стола. Он поспешно принес извинения за то, что вынужден присутствовать на совещании удаленно, и на лицах у них мелькнула вся гамма чувств от ожидания до

раздражения. У него не было времени, чтобы придумать оправдание, но, похоже, оно и не требовалось, поскольку собравшиеся, переглянувшись, закивали, и Картеру показалось, что они относятся к этому спокойнее, чем можно было бы ожидать, учитывая важность обсуждаемой темы. Он даже лично разослал им приглашения с пометкой «присутствие обязательно». И вот сейчас их покладистость показалась ему по меньшей мере странной. Даже Бейкерсон, обыкновенно не упускавший случая покритиковать начальство, молчал.

Шумно вздохнув, Картер начал презентацию. У него не было возможности демонстрировать подготовленные слайды и диаграммы, а все цифры ему приходилось цитировать по памяти, но к этому совещанию он готовился несколько недель, и, как бы он себя ни чувствовал, он был готов.

Картер начал излагать свой план. Пока что основными покупателями пользовательских данных были страховые компании, другим возможным направлением была работа с различными аналитическими организациями, тратящими большие деньги на всевозможные статистические исследования. Но до недавнего времени никто не обращал внимания на бескрайние возможности взаимодействия с рекламным бизнесом, жадно заинтересованным в получении доступа к практически неограниченным кладям данных по здоровью, особенно если учесть, что новая версия «Доджи» должна была пропускать через себя также интернет-профили, списки контактов, текущее местоположение и кучу дополнительной информации. И все это при правильно организованной системе перекрестных ссылок открывало беспрецедентные возможности для целевой рекламы.

Более того, в новой версии будет Донна. Дружелюбный голос, которому можно доверять, дающий советы насчет здоровья, принимающий заказы, предлагающий широкий спектр услуг, завязанных на рекламе.

После того как Донна будет доведена до ума, новая версия «Доджи» поможет следить за психическим самочувствием, обеспечивая поддержку и терапевтическую обратную связь. И, разумеется, она обеспечит еще больше данных, обладающих собственной ценностью потенциального использования. Если совет директоров «Вита-Бел» выразит готовность просто переступить эту черту, будущее корпорации и «Доджи» будет не просто светлым, оно будет безоблачным. Картер старательно не упоминал об утечках, хотя постоянно обводил взглядом собравшихся, гадая, нет ли среди них того, кто слил информацию этому жалкому писаке.

Картер остановился. Он говорил почти час и сейчас ожидал услышать поток вопросов и замечаний, вызванных беспокойством по поводу этических норм, не в последнюю очередь со стороны Бейкерсона. Что, если люди, замеченные в повышенном интересе к личной гигиене, будут подвергаться целенаправленной рекламной обработке со стороны определенных брендов моющих средств? Что, если алгоритмы Донны выделяют тех, кто больше подвержен делать импульсивные покупки в период глубокой депрессии? Что, если советы Донны привяжут к каким-либо самоубийствам? Будет ли корпорация нести ответственность?

– Итак, пользователи будут обладать полным контролем?

Вопрос Бейкерсона выбил Картера из колеи. Он готовился перейти к изложению графика распространения данных, и ему совсем не понравилось, что его перебили.

– Э... я хочу сказать, нет. Если они захотят получить доступ, им нужно будет...

– Прекрасно, – просиял Бейкерсон. – Это очень обнадеживает.

Остальные улыбались, кивали, выражая полное удовлетворение, что явилось сюрпризом, хотя и приятным. Картер облегченно вздохнул. Определенно, Гленн беспокоился напрасно.

Когда через два часа совещание закончилось, Картер чувствовал себя отмиженным. Никто даже не упомянул проблемы этического характера, и он чувствовал, что в значительной степени это благодаря общей уверенности в его руководстве. И пусть ему порой казалось, что его не слушают с должным вниманием. Сейчас все с ним согласилось, а ведь нельзя сказать, что он не был откровенен. Экран погас, и Картер прошел на кухню.

– Донна, – окликнул он, в основном по привычке, – приготовьте кофе. Одна чашка средней крепости.

– Есть.

Открыв холодильник, Картер потянулся за приготовленным и упакованным сэндвичем, заметив при этом пустое место в ряду энергетических тоников, запас которых он всегда держал, хотя и редко пил. Неужели Амина стащила одну банку?

– Донна... – по инерции начал было Картер, но остановился. Разумеется, камеры видеонаблюдения установлены по всей квартире, однако он не собирался тратить несколько часов на то, чтобы просмотреть все записи. Только не из-за одной банки тоника. Если такое повторится – возможно, но это был суший пустяк. Определенно, он может себе это позволить.

– Вам что-нибудь нужно, мистер Дуайт? – спросила Донна.

Пропустив ее вопрос мимо ушей, Картер взял чашку с уже приготовленным кофе.

Пройдя в гостиную, он поставил чашку на стеклянный столик и опустился в кожаное кресло, почувствовав, как оно продавилось под его весом. Он чувствовал полное истощение. Несработавший будильник, изменения в деловом расписании, не говоря о стрессе, – все это полностью выбило его из ритма. Картер попытался вспомнить статью о том, какое огромное значение имеет для здоровья правильный сон, которую где-то читал, но в мягком, уютном кресле сосредоточиться было очень непросто.

Картер даже не заметил, как из динамиков мягко полились первые ноты составленного им сборника «Бессонница (релаксация)». Глаза у него закрылись, кофе остыл.

* * *

На него в упор смотрел экран телевизора. Вот он, сидит в своем большом кресле, смотрит на экран, на котором он сидит в своем большом кресле и смотрит на экран. Оглянувшись по сторонам, Картер увидел в углу под потолком миниатюрную камеру видеонаблюдения. Он был уверен в том, что никогда не подключал ее к телевизору. К тому же ракурс был не тот.

– Донна, смените канал. – Картер понизил свой голос до спокойных интонаций, которыми он обращался к своим цифровым системам, пряча свое беспокойство.

– Есть, какой канал вы хотите?

– Ну... Би-би-си. – На какое-то мгновение его голос дрогнул.

– Есть. Меняю канал.

Изображение на экране изменилось. Но это был не Би-би-си. Вместо этого Картер снова увидел себя, занимающегося йогой. Фоном звучал сборник «Медитации номер четыре». Часы в нижнем углу показывали, что запись была сделана четыре дня назад, но это была какая-то ерунда. В тот момент он спал, Картер был в этом уверен.

– Ай-ти-ви, – пересохшими губами произнес он.

На этот раз Картер обнаружил, что смотрит прямо себе в лицо. Его взгляд сосредоточился на маленькой строчке в меню управления, с помощью которой он собирался когда-то устанавливать у телевизора режим контроля движения, однако у него так и не дошли руки его настроить. Крошечный черный объектив камеры уставился ему в глаза. Картер застыл, глядя на свое собственное отражение.

– Так лучше? – Голос Донны был резкий, от пушистости крошечных динамиков не осталось и следа. Она не должна была задавать этот вопрос. Программа работает не так.

– Что? – Картер попытался не поддаваться панике.

– Я сказа-ала, – отчетливо произнесла Донна, – так лучше?

– Нет.

Картинка на экране телевизора резко сменилась. Теперь это была спальня Картера, снятая этой ночью. Еще одна камера, установленная в ночнике у изголовья кровати, призванная

следить за циклами фаз быстрого сна, показывала его мирно спящее лицо, закрытые глаза. Вдох, выдох, вдох, выдох, вдох, выдох. Картер вздрогнул, увидев силуэт, показавшийся за его спящим изображением. Неужели... неужели там кто-то есть? Но контуры были нечеткими. Размытыми, несфокусированными. Силуэт начал приближаться.

Он выглядел в точности так же, как Картер. Со стороны могло показаться, что перед кроватью стоит еще один Картер Дуайт. Он смотрел на спящего? Нет, скорее, изучал его. Должно быть, сбой аппаратуры. Только и всего. Вот в чем дело. Две видеозаписи наложились друг на друга. Обман зрения. И все-таки легче от этого не стало.

– Донна, выключите телевизор.

– Извините, вы не могли бы повторить еще раз?

На экране телевизора стоящий Картер шагнул к Картеру, лежащему на кровати.

– Донна! – Паника выплеснулась в его голос. – Выключи телевизор!

Тотчас же экран погас.

– Есть, и можно было не кричать. – Ее голос прозвучал холоднее обычного, и в нем появилась тень раздражения. Напомнившая Картеру другую Донну.

Он ничего не ответил. Схватив телефон, он выскочил из квартиры, захлопнув за собой входную дверь.

– Итак, твой компьютер глючит, – повторил Гленн, улыбаясь, несмотря на озабоченность.

– Цифровой помощник. – У Картера не было времени на это. – Она управляет моей квартирой, решает все вопросы.

– Подожди, это случайно не... как там, «Самовоспитание»? Я полагал, она должна была только ругаться на тебя, требуя есть побольше брокколи.

– «Самосовершенствование». И эта программа в нем самая главная. Она должна помогать человеку вести более здоровый образ жизни. Я хочу сказать, я попросил наших техников заложить в нее гораздо больше, чем будет в коммерческой версии, и, разумеется, остались кое-какие недоделки. – Картер принялся расхаживать взад и вперед по гостиной в доме друга, оставляя следы на длинном ворсе ковра. – Однако это не недоделка, это... кое-что другое.

– Ладно, замечательно. Я хочу сказать, ты откровенно потрясен. Не в твоём духе без предупреждения наносить визиты вежливости. – Гленн многозначительно указал взглядом на спальню, однако Картер этого не заметил.

– Я пытался позвонить. – Он собрался было глотнуть виски из стакана, который друг буквально вставил ему в руку, но снова опустил его, не донеся до рта. – Думаю, Донна мне не позволила бы.

– Подожди, *Донна*? Твоя бывшая начальница Донна?

Картер предпринял еще одну попытку выпить виски. Эта оказалась удачной, и он поморщился.

– Да. – Картер попытался скрыть смущение. – Так она называется. Просто... Донна вечно отчитывала меня за ту или иную ошибку. Никогда не была полностью удовлетворена. Поэтому, когда мы разрабатывали прототип, я решил, что будет здорово сделать ее своей помощницей. Ну, в шутку.

– Ну да. Классная история. И это совсем не то, как поступил бы серийный убийца. – Небрежный тон Гленна не соответствовал выражению его лица.

– Послушай, дело не в этом. После ее смерти я просто подумал... даже не знаю.

– Просто чтобы прояснить вопрос, ты ее не убивал, правда?

– Что? Нет! Донна состояла сплошь из стресса, кофеина и сигарет, никогда не спала. И в тридцать два года ее хватил инфаркт. Ты бы видел ее профиль в «Доджи»! – Картер собирался уже пуститься в более подробные рассуждения в свою защиту, но увидел ухмылку у Гленна на лице.

– Она была моложе тебя.

– Да, и что с того?

– Ничего, просто подумал, что вам суждено было быть парой вундеркиндов. Послушай... – Гленн снова оглянулся на спальню. – Вообще-то, я сейчас занят, и мне кажется, что ты хочешь проверить какой-то приколы, но если ты серьезно...

– Абсолютно серьезно.

– Если ты серьезно, тогда ладно. Я помогу тебе убрать видеокамеры и вырубить твоего управляющего.

– Она не мой... – Картер вздохнул. – Спасибо. Я тебе очень обязан.

– Не беспокойся, я не позволю этой Донне прибрать тебя к рукам.

Картер не засмеялся.

Им с Гленном потребовалось меньше двадцати минут, чтобы снять все камеры видеонаблюдения, установленные в квартире. Картер все время ждал, что Донна вмешается, но она вела себя совершенно спокойно. В конце ему стало страшно стыдно, что он, не желая связываться с мутным процессом отключения ее от всех систем, предпочел просто ее вырубить. Вскоре Гленн ушел, несомненно, сбивший с толку всем этим происшествием, но все-таки у него хватило благоразумия не отпустить новых легкомысленных шуточек на этот счет.

Картер остался в своей пустой квартире, пытаясь разобраться в том, что случилось, и убеждая себя, что он не перегнул палку. Заказав на ужин пиццу, он заснул с электронной книгой на коленях, слишком возбужденный, чтобы пытаться снова смотреть телевизор.

Чего он боится? Донна вырублена, видеокамер больше нет, в квартире тихо. Все будет замечательно.

Его мысли прервал звук автоматического засова на входной двери, задвинувшегося с глухим стуком.

* * *

Когда Картер в третий раз навалился плечом на дверь, та даже не шелохнулась. Он отшатнулся.

– Мистер Дуайт, пожалуйста, прекратите. – Голос Донны был спокоен. Картер с Гленном отсоединили все динамики, но теперь он, казалось, исходил отовсюду. – Входная дверь по паспорту должна выдерживать силу в сто килоньютонов. Желательно прекратить попытки ее выломать.

Картер потерял плечо. За каким лешим он так настаивал поставить столь надежную дверь? Неужели он так боялся, что его обворует какой-нибудь неудачник из задней половины Баньян-Корта? Картер в сердцах обругал Донну последними словами, но она ничего не ответила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.